В. Е. Рожнов
М. А. Рожнова

ГИПНОЗ И «ЧУДЕСНЫЕ» ИСЦЕЛЕНИЯ

1960

ВСЕСОЮЗНОЕ ОБЩЕСТВО
ПО РАСПРОСТРАНЕНИЮ ПОЛИТИЧЕСКИХ И НАУЧНЫХ ЗНАНИЙ

В. Е. РОЖНОВ и М. А. РОЖНОВА

ГИПНОЗ
И „ЧУДЕСНЫЕ ИСЦЕЛЕНИЯ“

Издание второе

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЗНАНИЕ»

Москва 1960

СОДЕРЖАНИЕ

Авторы
Доктор медицинских наук
Владимир Евгеньевич Рожнов
и **Мария Александровна Рожнова**

Научный редактор — доктор медицинских наук **А. Г. Галачьян**
Редактор **Л. А. Новочадова**
Техн. редактор **Е. В. Савченко**
Корректоры **Е. А. Соколов** и **Г. П. Зимина**
Обложка художника **Г. Э. Вильфарта**

А04559. Подписано к печати 13/V 1960 г. Тираж 50 000 экз. Изд. № 60.
Бумага 60×92[1]/16—2,75 бум. л. = 5,5 печ. л. Уч-изд. 5,58 л. Заказ № 1356.
Цена 1 р. 65 к.

Типография издательства «Знание». Москва, центр, Новая пл., д. 3/4.

«После того как историю достаточно долго объясняли суевериями, мы суеверия объясняем историей».

К. Маркс

Введение

Издавна мечтали люди найти средства, возвращающие человеку утраченное здоровье и силы. В старинных народных сказаниях часто повествуется о том, как тяжело раненный или ослабевший в неравной битве герой вновь обретает прежнюю силу, отыскав целебную траву, источник или плод (встань-трава, живая вода, молодильные яблоки и т. п.). В фантастически художественной форме этих сказаний выражено настойчивое стремление людей познать природу, подчинить ее человеку, победить болезни и недуги.

На противоположный путь старалась обратить людей религия. Веками внушала она мысль о том, что человек является слабым и слепым орудием в руках «невидимого творца» и что лишь от «мудрого и всемогущего» бога следует ждать спасения от бед и страданий. Эта проповедь обезоруживала ищущий разум человека, обрекая его на бездеятельное ожидание помощи «свыше».

В качестве одного из вернейших средств укрепления веры в могущество потусторонних сил религия всегда использовала так называемые «чудесные исцеления» от различных болезней с помощью якобы божественного вмешательства. На протяжении многих веков истории человечества появлялись и множились легенды о врачующей силе богов, о чудесных камнях и источниках, о волшебниках и «святых», целительных пещерах, о «чудотворных» иконах и «чудодеях», снимающих болезнь прикосновением руки или словом. Нередко в этих целях применялся прямой обман верующих: устраивались мнимые исцеления, продуманные и подготовленные заранее, часто распространялись просто ли-

шенные всякого правдоподобия слухи о никогда не имевших места исцелениях и даже «воскрешениях» из мертвых.

Однако усиленно раздуваемый религией миф о «чудесных исцелениях» не мог бы иметь такого длительного, пережившего тысячелетия существования, не мог бы вновь и вновь (вплоть до наших дней) вытаскиваться на свет и пускаться в ход, если бы среди этой массы лишенных достоверной основы случаев поразительных и как будто совершенно непостижимых исцелений не было фактов реальных избавлений определенных категорий больных от своих недугов.

Подвергнутые беспристрастному научному анализу эти, так называемые чудесные, исцеления оказались имеющими вполне земное, естественное происхождение. Например, при исследовании некоторых источников оказалось, что в состав их воды входили минеральные соли, обладающие лечебными свойствами. Понятно, что те болезни, при которых действие этих солей полезно, могли быть излечены или облегчены.

Особенно большое впечатление производили те, правда редкие, случаи избавления отдельных больных от недугов, когда излечение, совершенное с помощью искусно примененных специальных приемов, происходило быстро, иногда прямо на глазах присутствующих. И действительно, не чудом ли должны были казаться факты, когда вдруг во время торжественного молебствия в храме расслабленный бросал костыли и шел, или по повелению «чудотворца»: «Говори!» — возвращался дар речи к немой, или, приложившись к прославленной «чудотворной» иконе, прозревала слепая.

История научного объяснения истинных причин таких внешне чудесных фактов тесно связана с раскрытием природы гипноза и внушения. Рассмотрение приемов, приводивших к случаям действительного излечения определенных категорий больных и выдававшихся за «чудесные исцеления», показало, что бо̀льшая часть их должна быть отнесена к способам вызывания гипнотического состояния и проведения внушения в гипнозе, а также к случаям внушения наяву.

Но гипноз и внушение как явления, тесно связанные с работой человеческого мозга, не могли быть поняты до тех пор, пока не был найден способ изучения деятельности мозга. Именно в силу своей исключительной сложности и кажущейся произвольности работа мозга вплоть до начала настоящего века оставалась недоступной для научного понимания.

Религия утверждает, что бесплотная и нетленная душа не связана с бренным телом, свободна во всех своих проявлениях и подвластна только «всемогущему творцу», его же воля для смертных непостижима. Этих же взглядов о непознавае-

мости психики, об отсутствии связи между телесными и психическими явлениями, о независимости души от влияний внешнего мира придерживались всякого рода идеалисты.

Церковь и эксплуататорское государство ревностно и строго охраняли догмат о «бессмертии души». На протяжении всей истории этот догмат играл и играет еще до сих пор роль испытанного орудия духовного одурманивания трудящихся. Он обещает блаженство и рай на том свете тем, кто на земле влачит жалкую, беспросветную, безрадостную жизнь.

Жестокие преследования грозили каждому, кто посягнет на неприкосновенность догмата о бессмертии души.

Однако история свидетельствует о том, что никакие запреты и угрозы не могли преградить дорогу мужественным исследователям.

Первые большие вехи, указывающие ясный путь к раскрытию внутренних процессов работы мозга, лежащих в основе психических явлений, были установлены И. М. Сеченовым. Идя по этому пути, И. П. Павлов совершил великий подвиг, создав прочный фундамент для науки о психике, науки о работе высших отделов мозга. Впервые в истории И. П. Павлов нашел ключ к «запретным» тайнам души — строго объективный метод изучения работы мозга, метод условных рефлексов, с помощью которого устанавливаются главные закономерности высшей нервной деятельности. Своими исследованиями И. П. Павлов доказал, что не бог дал душу человеку, а что душевная (психическая) деятельность является деятельностью материального органа — мозга, что деятельность эта не произвольна, а всецело зависит от воздействий внешней и внутренней среды организма, подчиняясь строгим естественным закономерностям. Павловское физиологическое учение, вскрывшее материальную основу психики, разрушило закосневшую религиозную догму о нематериальности души.

Открытие основных законов, управляющих деятельностью мозга, объяснило многие вопросы, которые не были доступны подлинному научному истолкованию в течение столетий. В их числе была раскрыта физиологическая природа сна, сновидений, гипноза, внушения и др. Научное объяснение этих явлений выбило почву из-под ног религиозных вымыслов о чудесном происхождении тех исцелений, действительную основу которых составляли гипноз и внушение в нем, а также случаи внушения наяву.

Получив научное обоснование, гипноз и внушение из невольных пособников религии и мистицизма, в незавидной роли которых оставались они столь долгое время, превратились в мощное оружие медицины в ее борьбе со многими заболеваниями человека.

Миф о «чудесных исцелениях»

Каждая религия, в какую бы форму она ни была облечена, основана на вере в существование сверхъестественных сил или существ (духов, души, богов и т. п.). Согласно религиозным представлениям, эти силы стоят над природой, не подчиняются ее законам, но зато сами обладают столь великим могуществом, что могут в любой момент вмешаться в естественный ход событий и изменить его по своему произволу.

Представители религии всех времен и народов ясно сознавали, что чем более нереальны и фантастичны религиозные выдумки о неземных, незримых силах, тем более нуждаются они в реальном, видимом и ощутимом практическом доказательстве их существования. В качестве такого доказательства неизменно фигурирует «чудо» — земное свидетельство могущества «неземных властителей» мира.

Излюбленным источником чудес для религии всегда были еще не разгаданные наукой явления природы. Пользуясь их временной недоступностью для правильного понимания, религия выдавала подобные факты, в действительности имеющие вполне естественные причины, за неподвластные законам природы чудеса, якобы обязанные своим происхождением деяниям духов и богов.

Религиозные представления — вера в богов, душу, загробную жизнь и т. д. — существовали не всегда. Данные науки говорят, что зачатки религиозных представлений появились у людей впервые лишь около 100 тысяч лет назад, а возраст человечества исчисляется приблизительно миллионом лет. Значит, многие сотни тысячелетий религии не было.

Медленно накапливали первобытные люди практические знания и опыт, передавая их от одного поколения к другому. В суровой борьбе отвоевывал первобытный человек свое место под солнцем. Окружающий мир был тогда ему непонятен. Даже самые обычные предметы и события не только изумляли человека, но порождали острое чувство страха. Затмение солнца, удары грома, блеск молнии, болезнь, сон, смерть и т. д. — все казалось необъяснимым явлением, непостижимым чудом. Жизнь наших далеких предков была подвержена тысячам случайностей, избавиться от которых они были совершенно бессильны.

И вот на этой ступени развития попытка первобытных людей познать природу при недостатке знаний и практического опыта породила фантастические представления о существовании каких-то незримых, но могущественных сил, по своему произволу управляющих всем окружающим. Эти силы человек наделял сознанием, волей, способностью тво-

рить добро и зло. Именно здесь и лежат истоки первоначальных религиозных представлений.

Любая случайная вещь или существо (камень, кусок дерева, кость животного, жук, змея, птица) могли быть избраны в качестве предмета, обладающего сверхъестественными свойствами, в качестве обиталища некоей всемогущей силы, таинственно скрывающейся в нем.

Этим священным предметам человек приписывал власть над всем, что его окружало, а также и над самим собой.

Желая повернуть дела и события, происходящие в окружающем мире, в свою пользу и избежать грозящих бед и несчастий, люди стали обращаться с молитвами и жертвоприношениями к ими же самими созданным фетишам — священным деревьям, камням и животным, прося их снизойти к желаниям человека (рис. 1).

Рис. 1. Поклонение дереву сикоморе. (Древнеегипетское изображение).

Такие представления, носящие название **первобытного фетишизма**, были обнаружены многими путешественниками и исследователями среди племен, которые еще до сравнительно недавнего времени находились на низкой ступени экономического и культурного развития.

Подобные взгляды сохранялись, например, еще в начале нашего века среди племени игоротов, живущих на Филиппинских островах. Они утверждали, что все предметы имеют невидимое существование, так же как и видимое.

Австралийцы племени аранда с просьбой об обильном урожае обращаются к шестам, украшенным птичьим пухом, к кускам камня, к рисункам на земле и т. д. (рис. 2).

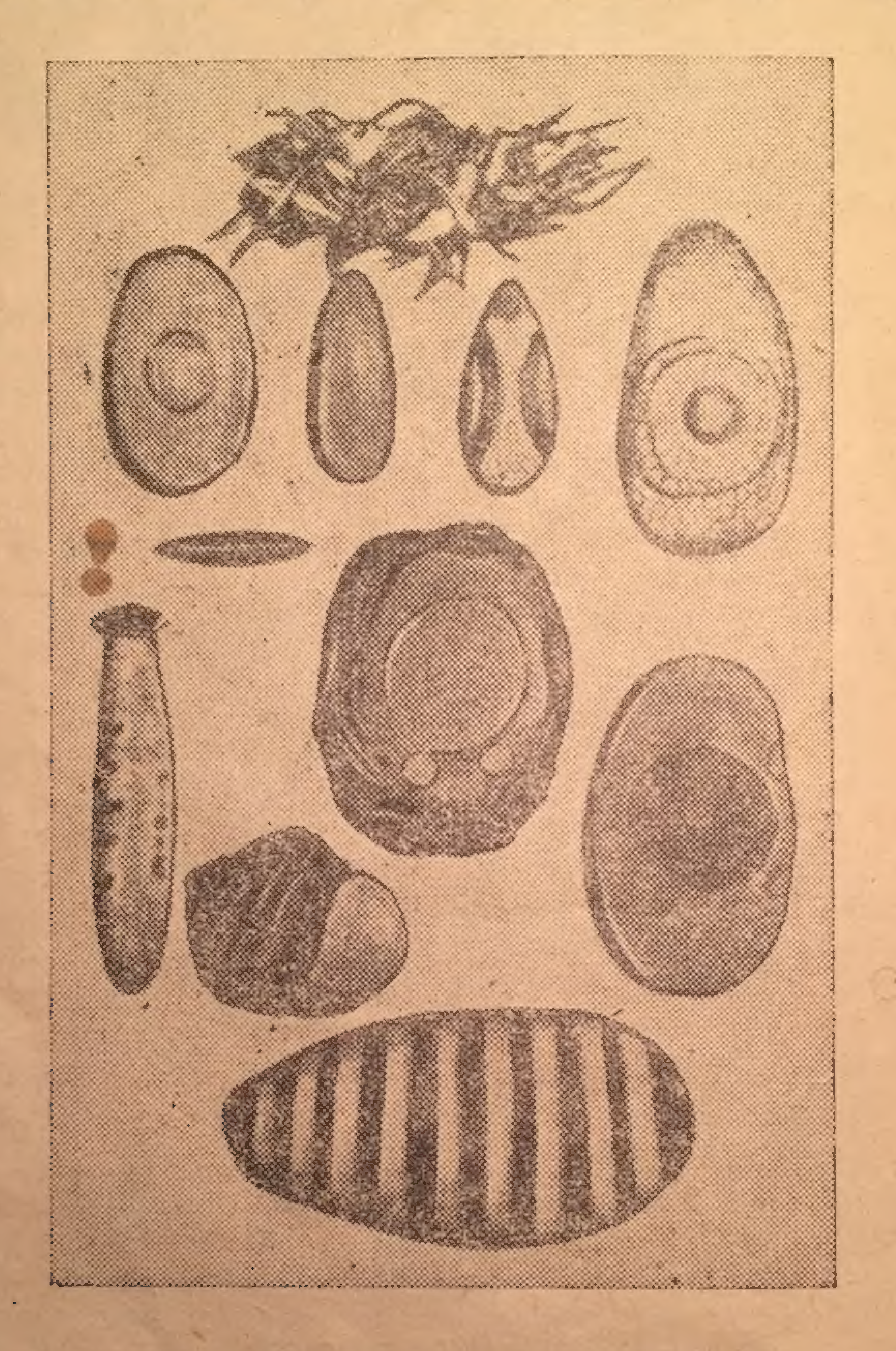

Рис. 2. Священные камни — чуринги австралийского племени аранда.

Туземцы Западной Африки, идя на охоту, берут с собой священные предметы — сучья деревьев, рога антилопы, блестящие камни, отточенные рекой, высушенные листья, перья страуса и т. д., которые, по их мнению, способны обеспечить удачу.

Уже на самых первых порах своего появления мистическая вера людей в существование сверхъестественных властителей мира стала мешать действительному его позна-

нию, уводя мысль людей на ложный, бесплодный путь. Произошел как бы вывих — невидимое, нереальное стало приобретать в воображении людей более важное значение, чем насущная реальность. Однако в то же время суровая жизнь, каждодневные дела, трудности и заботы неизменно и неизбежно наталкивали человека на правильное решение непосредственных практических задач.

В первобытном обществе родилась и другая форма религиозных представлений — вера в душу. Она появилась, когда человек стал задумываться над вопросами, значительно более сложными, чем обыденные заботы о жилище, одежде и пище. И среди них прежде всего встали те, которые касались его самого.

Рождается ребенок, растет, становится взрослым и сильным человеком, стареет и, наконец, умирает. Только что двигался, говорил, действовал, и вот происходит что-то, от чего он лежит холодный, неподвижный, больше никто и никогда не услышит его голоса. Человек умер... Что такое смерть?

Человек целый день на ногах, он внимателен ко всему, что его окружает: он откликается на зов, видит, осязает, ходит, говорит. Но наступает вечер. Человек ложится, закрывает глаза, засыпает. Он не слышит, когда его называют по имени, не чувствует прикосновения, не видит зажженного вблизи огня. Человек спит... Что такое сон?

Утром, проснувшись, человек, которого видели всю ночь не подымающимся с ложа, рассказывает, что он побывал за это время в лесах, где когда-то ребенком бродил с людьми своего племени, что он видел там давно умерших своих собратьев, разговаривал с ними и охотился на небывалых зверей и птиц. И снова вопрос — что такое сновидения?

Причудливые картины сновидений особенно сильно действовали на воображение человека, властно приковывая к себе его мысль. Не в них ли открывает себя людям всемогущая таинственная сила, от которой ждут они исполнения надежд? Не здесь ли то желанное средство общения с невидимой волей, намерения которой они тщетно старались угадать хотя бы по видимым признакам, придавая им значение примет и предзнаменований?

И вот фантазия, подстегиваемая тревожным чувством страха перед непокорной и загадочной природой, воспламеняемая страстным желанием добиться успеха в житейских делах, создает в голове человека сочетание жизненных наблюдений и фантастического вымысла. Человеку кажется, что невидимые силы способны отделяться от ощутимых предметов, что во сне второе, незримое наяву «я» человека на время покидает его тело, а смерть наступает якобы тогда, когда оно расстается с ним навсегда.

С пристальным вниманием подмечает человек признаки наступающей смерти того или иного из своих собратьев. Вот уже умирающий совсем недвижим, лишь слабо вздымается его грудь, но скоро и дыхание прекращается. Может быть, незримая сила, второе нетленное «я» человека и есть то теплое и влажное, невидимое дуновение, что вылетает из уст умирающего с последним его вздохом? Не от него ли зависит и самая жизнь? Ведь когда оно улетает — человек умирает.

Так или приблизительно так родилось впервые в древние времена фантастическое, вымышленное представление о «душе» человека (от слова *дыхание*, *дышать*), с присутствием которой в теле якобы связана жизнь и с потерей которой — смерть. Сон стали понимать, как временное отделение души от тела, уход ее в странствие. Казалась разрешенной и загадка сновидений — приключений странствующей души заснувшего человека. Тогда же возникла мысль о бессмертии души (рис. 3). С нетленными душами умерших якобы и встречается душа спящего в своих странствиях —сновидениях.

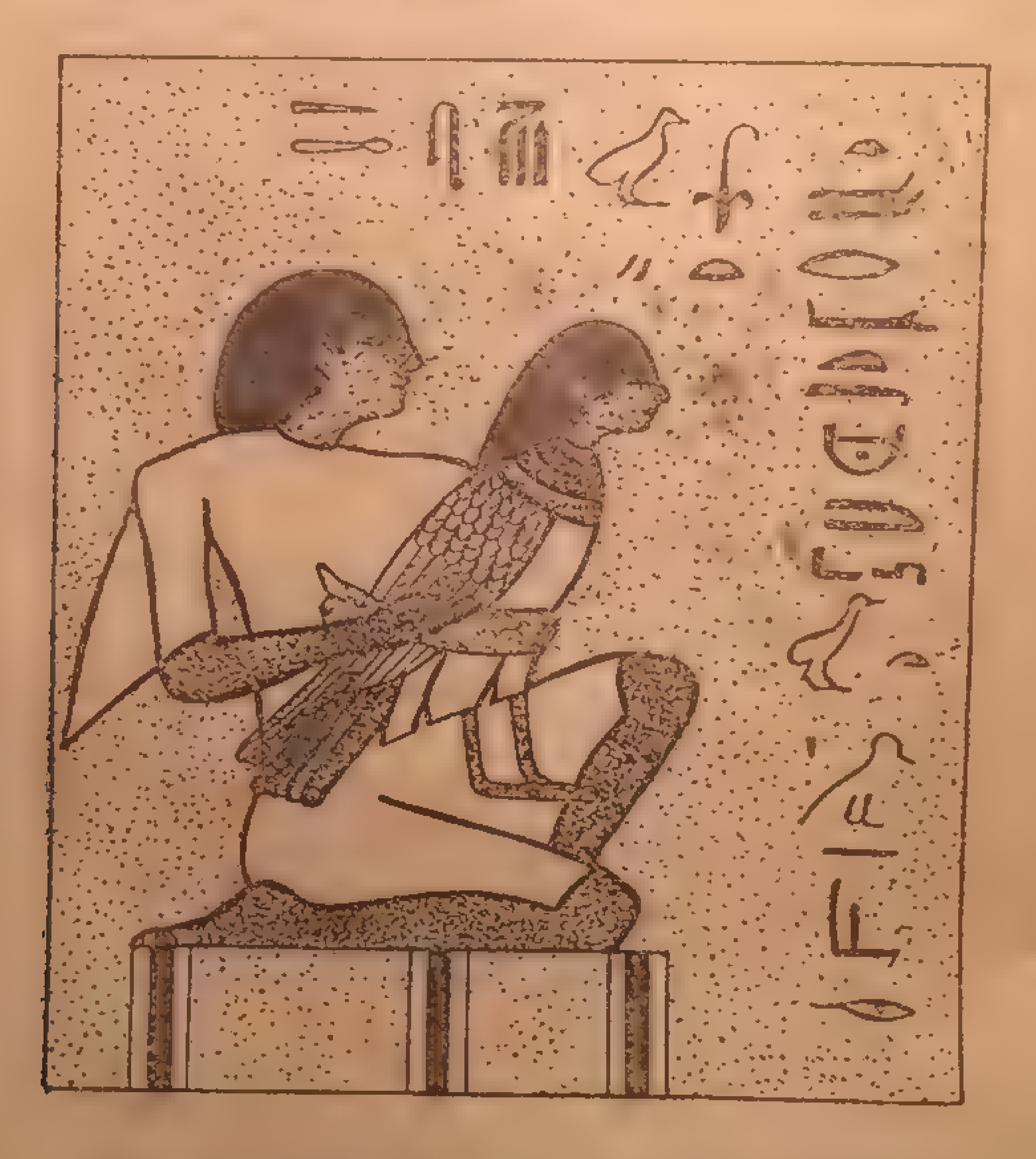

Рис. 3. Древнеегипетское изображение умершего, держащего в руках свою душу в образе птицы.

Это выдуманное, ложное истолкование непонятных явлений надолго завладело умами человечества.

Ложное представление о душе соблазняло своей конкретностью, простотой и кажущейся ясностью, вселяло надежду на помощь сверхъестественных сил. Поэтому на первых порах «духи» и «души» стали размножаться с невиданной скоростью. Все недоступное пониманию быстро становилось добычей «духов». Воображение людей создало «духов» деревьев, птиц, рыб и зверей, «духов» ветра и грома, неба и земли, звезд и воды (рис. 4). «Духов» стали

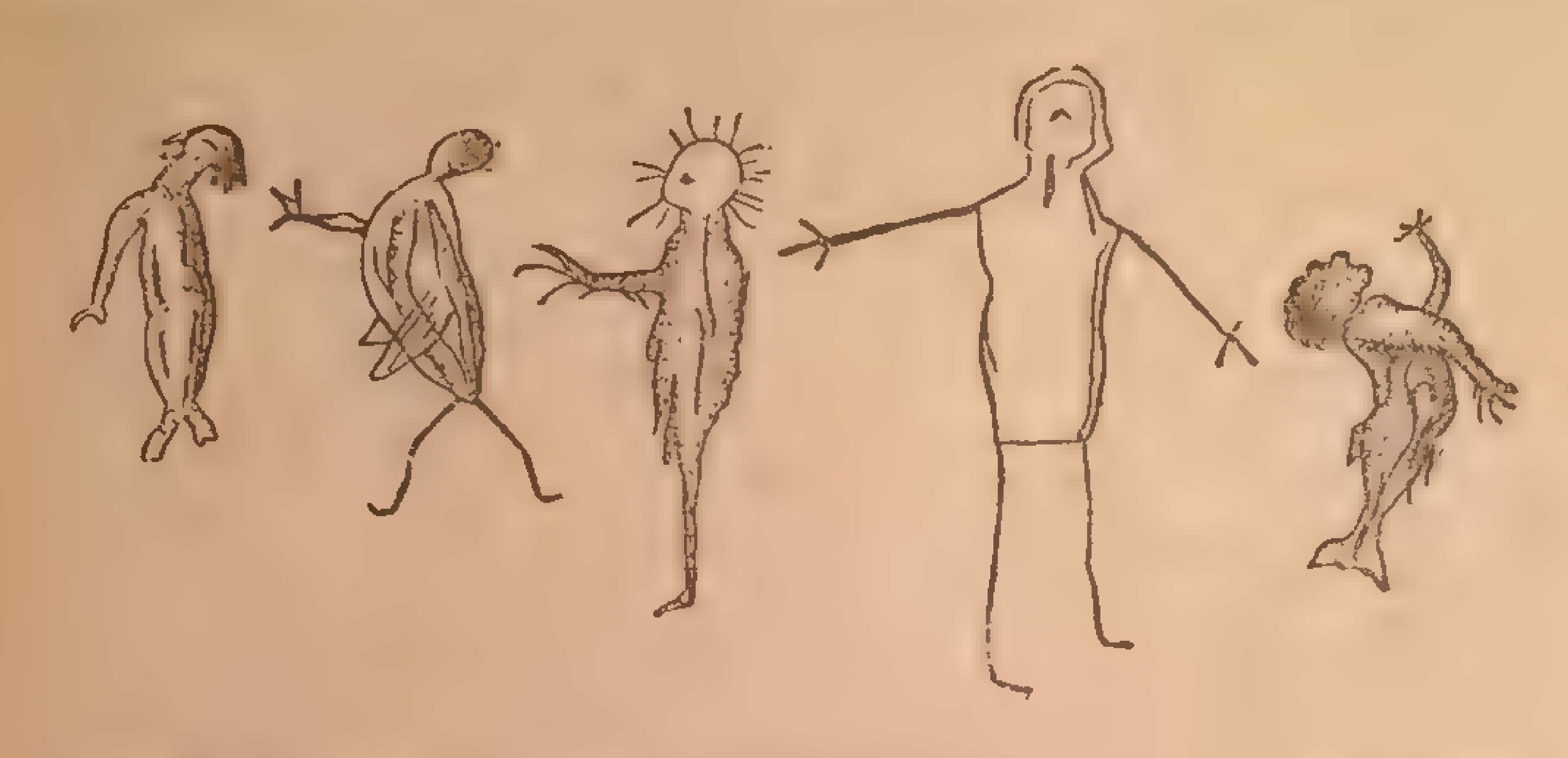

Рис. 4. Чукотский рисунок, изображающий «духов—хозяев озер».

различать по тому, как они относятся к людям, — духи злые и добрые, духи, приносящие удачу и насылающие мор, духи жадные и прожорливые и духи щедрые и милостивые. Скоро они населили мир так густо, что все уже стало казаться понятным и ясным, а всякий вновь проявляющийся вопрос легко находил разрешение с помощью всюду и вовремя поспевающих «духов».

Эта форма ранних религиозных представлений, носящая название анимизма (от латинского слова «анима» — душа), так же была найдена почти в нетронутом виде у некоторых отсталых племен и народностей.

Знаменитый английский путешественник, исследователь Африки Давид Ливингстон рассказывает, что в пустыне встречаются огромные каменные скалы; за время дневной жары они сильно раскаляются, а ночью, быстро охлаждаясь, трескаются со страшным шумом, напоминающим выстрелы; туземцы уверяют, что это стреляют подземные духи. Женщины из племени шорцев раньше говорили о своих умерших детях, что их загрызли духи. Индейцы Мексики считают, что растения, подобно человеку, имеют душу, иначе они не могли бы жить и расти. Они умеют говорить, петь, чувствовать радость и страдание. Зимой, когда деревья застывают от холода, они плачут и молятся солнцу, чтобы оно скорее засияло и согрело их.

Очень интересны описания веры в духов у чукчей, принадлежащие перу нашего отечественного этнографа и писателя В. Г. Богораз-Тана, много лет посвятившего изучению жизни народов Севера. Богораз-Тан побывал на Чукотке дважды: первый раз в качестве политического ссыльного, второй — в научной экспедиции. Было это до Октябрьской революции. «На Севере, — вспоминал он, — не было школ и не было грамотных. В огромных округах, величиной с Германию, не было ни одного врача, ни одной больницы, и перед лицом эпидемий люди и олени были одинаково беспомощны»[1]. Не удивительно поэтому, что тогда среди чукчей безраздельно господствовала вера в духов. В одном из своих «Чукотских рассказов» Богораз-Тан красочно описывает представления чукчей о причинах разразившейся в то время (вследствие тяжелых антисанитарных условий жизни) страшной эпидемии оспы, унесшей сотни людей: «Уже третий месяц грозный Дух Заразы кочует по большой тундре, собирая с оленных людей человеческие головы в ясак. Никто не видел его лицом к лицу, но говорят, что ночью, когда последняя сноха, суетившаяся у костра, влезает внутрь полога, он проезжает мимо стойбищ на своих длинноногих красношерстных оленях, ведя бесконечный обоз, нагруженный рухлядью; полозья его саней—из красной меди; женщины едут вместе с ним, следя за упряжными оленями; захваченные пастухи гонят сзади бесчисленные красные стада с рогами, похожими на светлое пламя... Никто не видел его лица, но люди называют его Хозяином страны»[2].

Рис. 5. Коряцкая костяная фигурка, изображающая «духа» заразной болезни.

В кознях «злых духов» нашли люди «объяснение» явлений физического страдания и болезни (рис. 5). Одни народы стали считать болезнь нападением злого, враждебного духа на законного владельца тела человека — душу. Другие полагали, что болезнь возникает, когда жадный, прожорливый дух начинает грызть тело человека, воспользовавшись временным отсутствием его души. Поэтому считалось, что для избавления от болезни можно применять любые средства, которые принудят непрошенного гостя оставить терзаемую им жертву.

[1] В. Г. Богораз-Тан. Чукчи, ч. II, стр. VII, Л. 1939.
[2] В. Г. Богораз-Тан. Чукотские рассказы, т. 1, стр. 185. М. 1909.

Многотысячелетний опыт, который уже имело за плечами человечество к моменту появления у людей религиозных верований, накопил ряд сведений о лечебных снадобьях и способах помощи человеку при ранениях и заболеваниях. С давних пор люди приобрели некоторые сведения о правильном питании при болезнях, нашли такие лечебные приемы, как удаление инородных тел из ран, массаж и т. п. Но, уверовав в сверхъестественные силы, человек стал придавать этим способам борьбы с болезнью мистическое толкование. Лекарство действует якобы потому, что духи, заключенные в нем, сильнее духов—виновников болезни; или потому, что колдун или маг, в обязанности которых стало входить врачевание, придал снадобью своими заклинаниями чудотворную силу (рис. 6). Какой бы прием ни применял колдун, знахарь или маг, какое бы ни давал больному зелье, его действия окружаются мистической таинственностью, цель которой заключается в том, чтобы подчеркнуть, что здесь свершается нечто необыкновенное, приоткрывается завеса иного мира, маг вступает в общение с сверхъестественными силами. Подобные представления и до сего времени сохранились у некоторых отсталых народов.

Рис. 6. Австралийский «маг-врачеватель».

Одна из известных исследовательниц Африки М. Кингсли писала, что, по мнению негров многих местных племен, каждое явление есть результат действия одних духов на других, когда, например, врач дает лекарство, то дух лекарства действует на духа болезни.

Негритосы Филиппинских островов убеждены, что целебное действие могут оказывать лишь травы, даваемые колдуном, произнесшим над ними заклинание. Слова колдуна напутствуют духов травы на борьбу с духом болезни.

Характерно, что ни колдуны и маги первобытных племен, ни знахари и шаманы отсталых народов не объясняли своих врачующих способностей соб-

ственной силой. Нет, они считали, что обязаны своим умением тем добрым духам, которые избрали их объектом особого расположения и помогают им в чародействе. Шаманы и колдуны объявили себя избранниками духов, посредниками между миром людей и миром сверхъестественных сил.

Рис. 7. Изображение «духа-помощника» у чукчей.

Чукча Кьотгерген из поселка Мьскен рассказывал Богораз-Тану: «Когда болен человек, они (шаманы. — *Авт.*) призывают человека из Верхней страны[1] и говорят так: «Сойди вниз! Я хочу, чтобы ты был моим «помощником». И правда, что̀ другое я могу сделать. Откуда еще я могу получить какую-нибудь помощь? Я не знаю. Если ты позволишь, то я возьму тебя «помощником». Сойди ко мне. Я стою здесь без всякой помощи!»[2]. Это заклинание интересно прежде всего тем, что в нем очень ярко и наглядно отражается одна из причин веры в духов — надежда на их «чудотворную» помощь. Эта вера порождена беспомощно-

[1] Верхняя страна, по чукотским верованиям, — страна духов.
[2] В. Г. Богораз-Тан. Чукчи, ч. II, стр. 169—170.

стью человека перед природой, отсутствием у него достаточных знаний о ней, потребностью куда-то обратиться за помощью, признанием своего бессилия справиться одному с навалившимися горем и страданием.

В тех случаях, когда лекарства, снадобья и заклинания оказывались бессильными, в ход пускались средства изгнания духов, которые у многих отсталых народов и по сей день считаются наиболее чудодейственными.

Особенно сильным средством лечения считалась магическая процедура изгнания духов, получившая у прежде отсталых народов Сибири, Аляски и Кольского полуострова (чукчей, гиляков, орочей, лопарей и др.) название «камлания». В присутствии больного и большого числа жителей поселка одетый в обрядовую одежду шаман, многократно повторяя одни и те же слова и фразы, призывал к себе на помощь добрых «духов-помощников» (рис. 7), угрожая их силой злым духам. Свои заклинания он сопровождал непрерывными ритмическими ударами в бубен (которому приписывались волшебные свойства) и своеобразной пляской (рис. 8). Все настойчивее звучали при-

Рис. 8. Шаман у прежних жителей горного Алтая.

зывы к духам, громче и чаще звенел бубен, быстрее становились движения. Нередко шаманы одурманивали себя и всех находившихся в чуме дымом курящегося богульника. Всем этим они доводили себя до исступления, хватали голыми руками раскаленные угли и наносили себе порезы ножом, не проявляя никаких признаков боли. Постепенно

речь шамана становилась бессвязной, глаза начинали блуждать, он часто спотыкался и, наконец, в изнеможении падал на землю (рис. 9).

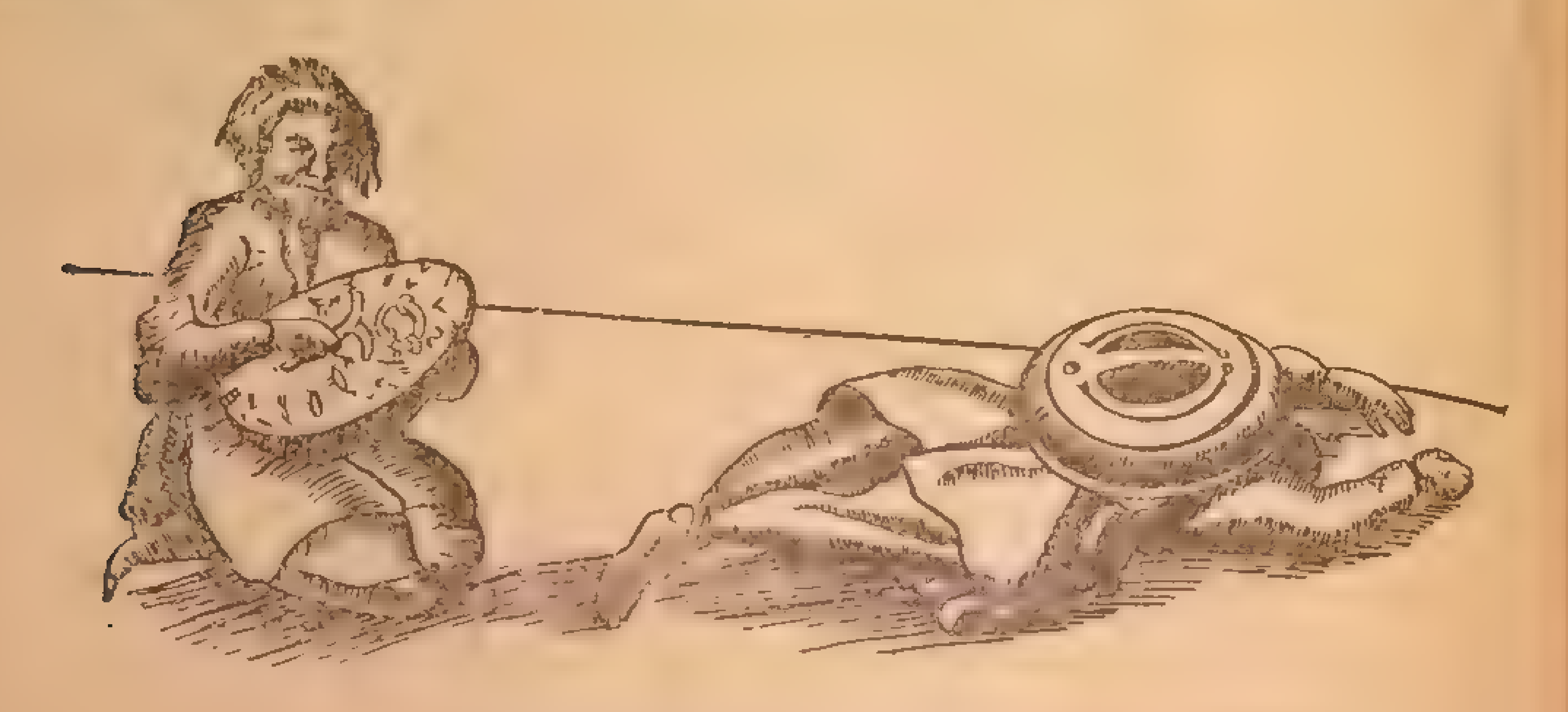

Рис. 9. Колдун с бубном у лопарей. Он же в трансе. (Рисунок из рукописи 1673 года).

Присутствующие принимали деятельное участие в процедуре. Они вторили в лад шаману, двигались в такт его пляске или раскачивались, стоя на месте. Несмолкаемый грохот бубна, завывания и мелькающие движения шамана, дым ядовитых курений постепенно делали свое дело, и к концу процедуры ее участники были захвачены происходящим, оглушены и одурманены настолько, что им начинало казаться, что они тоже слышат голоса помогающих шаману духов и видят их лица.

С сосредоточенным вниманием и надеждой следил за действиями шамана больной. Мало-помалу все окружающее, кроме звуков голоса шамана, переставало достигать его сознания. Он впадал в забытье, в котором речь шамана воспринималась им особенно остро и глубоко западала в его полусонный разум. Выкрики шамана о бегстве и поражении духов зла, о победе «духов-помощников» звучали для больного желанной вестью о выздоровлении. Это его ободряло, вселяло уверенность в своих силах, и иногда к концу обряда по механизму внушения и самовнушения у больного действительно наступало улучшение.

От поселка к поселку, от стоянки к стоянке передавалась восторженная, всячески изукрашенная и преувеличенная весть об удивительном проявлении «чудодейственного» могущества избранника духов — шамана.

Как снежный ком, росла слава шамана, увеличивалась вера в духов, вера в чудодейственную силу «камлення». В этой славе тонул тот факт, что из многих, искавших спасения у шамана, он мог исцелить лишь единицы, что в ужасный год, когда поселок за поселком скашивал «страшный

дух Заразы», перед ним не мог устоять никто и... даже сами шаманы падали под его косой.

Но вера в чудесные исцеления от этого не меркла, она держалась на религиозных предрассудках, которые подсказывали и шаману и окружающим кажущиеся им неопровержимыми объяснения многочисленных неудач в исцелении: то духам оказалась неугодна жертва, принесенная больным, то они разгневались на жителей поселка за какой-то случай непочтения к предкам и т. п. Зато редкие случаи удачи порождали новый энтузиазм веры, на все лады восхвалялись и раздувались, ибо радовали не только самого исцелившегося и его близких, но оживляли надежду и у всех других обрести спасение у шамана и покровительствующих ему духов в случае внезапной беды или болезни. Людям, лишенным света и могущества собственного знания, казалось, что лишь сверхъестественные силы могут прийти к ним на помощь.

Много общего с описанным обрядом «камлания» имеет в основных ее чертах магическая процедура врачевания, применявшаяся (а кое-где применяющаяся и до сих пор) у отсталых народностей и племен Австралии и Африки. Повсюду непременными частями обряда являются ритмические танцы и движения, сопровождаемые ударами своеобразных барабанов, стуком палок или звуками дудок, многократными заклинаниями, применением наркотических одурманивающих веществ и т. д.

Если подойти к этому магическому ритуалу с точки зрения физиологического учения И. П. Павлова, то застилающий этот ритуал плотный туман мистики и суеверий рассеивается, уступая место простому и естественному пониманию явлений. Общие для разных отсталых племен черты магического обряда врачевания являются по сути не чем иным, как условиями, способствующими возникновению гипнотического состояния. Под воздействием этих условий такое состояние в различных его стадиях и формах проявления развивалось нередко и у шамана. Физиологическими, к настоящему времени глубоко изученными наукой особенностями работы человеческого мозга в гипнозе объясняются возбуждающие воображение зрителей «чудеса» колдунов и шаманов, их нечувствительность к боли от ран и ожогов, отсутствие кровотечения при нанесении ими себе порезов в состоянии экзальтации [1].

Одна из особенностей гипнотического состояния человека — повышение восприимчивости к словесному внушению — дает нам ключ к разоблачению мнимой чудесности исцелений (или просто облегчений) некоторых заболеваний. Она же раскрывает путь к пониманию естественных причин и

[1] Экзальтация — болезненная оживленность, возбуждение.

такого внешне «сверхъестественного» явления, как внушенное «видение» и «слышание» духов при обряде «камлания» и других подобных процедурах.

Однако здесь необходимо сразу же отметить, что нередко причина этих последних фактов лежит в ловко используемом искусстве чревовещания[1], которым в совершенстве владели некоторые колдуны и шаманы.

Мы ограничимся здесь лишь описанием так называемых «чудес» изгнания духов болезни и подробно расскажем в следующих разделах брошюры о том, как их объясняет наука.

Возникшую в древности веру в сверхъестественные исцеления религия усиленно культивировала и всеми способами внедряла в сознание народа.

С момента образования классового общества, с появлением эксплуатации и разделением людей на богатых и бедных эксплуататоры используют религию как орудие духовного одурманивания народа. Создается привилегированная замкнутая каста священнослужителей, которая входит в правящую верхушку эксплуататорского общества. Эти изменения в социальном строе находят свое отражение и в религии. Поклонение многочисленным «духам» начинает уступать место вере в относительно немногочисленных, но могущественных богов. Религия объявляет земных властителей избранниками богов. Неповиновение рабов своим господам она приравнивает непокорности богам и грозит ослушникам страшным наказанием, якобы ожидающим их в загробном мире. Все религиозные верования, все религиозные обряды подчиняются одной цели — максимальному укреплению власти священнослужителей и господ. В качестве одного из особенно подходящих для этой цели средств религия избирает древний миф о «чудесных исцелениях», служащий возвеличиванию могущества богов и их служителей.

В древнем Египте с момента образования классового общества и появления касты жрецов были объявлены запретными все перенятые жрецами из народной медицины знания о лечебных приемах и лекарственных средствах, накопленные ею за тысячелетия. Суровая кара ждала каждого, дерзнувшего проникнуть в секреты жрецов. Жрецы придавали лечению форму религиозного обряда, в котором трудно было отличить рациональные моменты от декоративных.

Ореол сверхъестественности окружал все приемы жрецов и магов: составные части припарок, прикладываемых к больному месту, имеют якобы божественное происхож-

[1] Чревовещатель — умеющий говорить глухо, не обнаруживая движений губ и лица.

дение, а повязка, накладываемая на рану, — это узел, которым бог связал своего брата; слова, которые произносит маг, чтобы спасти больного, — это слова, которые произносят боги для собственного спасения, и т. д.

«Чудотворной» силе слов-заклинаний придавалось особенно важное значение. В Египте имелись врачи, специализировавшиеся в области лечения заболеваний определенных органов или частей тела, однако и они не обходились без заклинаний.

Одним из древнейших источников о способах врачевания в древнем Египте является папирус Эберса, относящийся к XVI веку до нашей эры. В нем содержится описание около 900 прописей целебных зелий и снадобий, советы по врачеванию самых различных заболеваний и ран. Характерно начало папируса, которое звучит буквально так: «Слова, которые следует произносить четко и повторять часто, как только возможно, прикладывая лекарство к больным членам для того, чтобы уничтожить поразившие их страдания, — «Изис, освободившая Озириса, избавившая Гора от злонамеренных деяний его брата Сета, убившего своего отца Озириса. О, Изис! Великая богиня заклинаний, освободи и меня от всего злого, от боли и злоумышленных действий, освободи меня от бога и богинь страдания, от смерти, от того, что проникло в меня. Освободи меня, избавь меня, как твой сын Гор был освобожден и избавлен тобой... О, великий Озирис! Заступись за меня! И не медля, скорее избавь меня от всего злого, от всего плохого и враждебного! От бога страдания, от богинь страдания и даже от самой смерти!»

Во всем тексте папируса настойчиво проводится мысль о необходимости сопровождать дачу и принятие каждого лечебного средства обращением к богам и духам. Например, указывается, что вышеприведенное заклинание нужно произносить при пользовании наружными средствами — накладывании повязок, мазей и т. д. Перед описанием лечебных средств, принимаемых внутрь (питье, порошки), приводится другое заклинание: «Помоги! Иди и изгони то, что находится в моем сердце и моих членах! Заклинания благотворны в сопровождении лекарств и лекарства благотворны в сопровождении заклинаний...».

В страхе перед злыми духами, якобы каждое мгновение подстерегающими человека и стремящимися причинить ему вред, жители древнего Вавилона обвешивали свои жилища множеством амулетов и талисманов, будто бы защищающих от болезней и бед. Они держали у себя в домах также глиняные таблички с записанными на них заклинаниями против враждебных божеств.

Вера в целебную «чудесную» силу заговора была распространена с древних времен повсюду и на Руси, где зна-

хари-колдуны широко практиковали заговоры от кровотечения, бешенства, лихорадки, зубной боли и др. Например, заговор от зубной боли звучал так: «Месяц, месяц золотой, серебряные твои рожки, золотые ножки. Сними, месяц, мою зубную боль, унеси ее под облака. Моя боль велика—велика, а твоя сила могуча». Заговор от золотухи — «На море, на океане, на острове, на Буяне, стоит дуб таратынский. На тот дуб слетались 12 недуг, 12 золотух. Расходитесь вы, недуги, родные сестры золотухи, по пням, по колодам, по гнилым по болотам, из раба (называют имя больного)».

Исторические факты говорят о том, что представители религии всегда и всюду любыми средствами старались сохранить за богами славу единственных избавителей от болезней.

В древней Греции процветал культ бога-врачевателя Асклепия. Выгодное местоположение храма Асклепия в роще в девяти километрах от города, имевшийся здесь хороший источник свежей воды, просторные специальные помещения для сна, где каждый паломник получал свою постель, — все эти естественные целебные условия ловко использовались жрецами храма в достижении своей цели. Отчего бы ни произошло выздоровление, все приписывалось только всемогуществу Асклепия. А если «чуда» не было — его придумывали. При археологических раскопках здесь была найдена масса надписей о совершавшихся Асклепием «чудесных исцелениях». Среди них большинство таких, где неправдоподобие явно бросается в глаза. Например, сохранилась памятная надпись о чуде, когда одному больному жрецы вынуждены были отрезать голову, а затем успешно приставили ее вновь, после чего он ушел отсюда живой и здоровый. Некоторые же «чудеса» вполне могут быть признаны достоверными, но в этих случаях легко можно разглядеть, что не могущество Асклепия, а вполне естественные, понятные причины лежали в основе их происхождения. Так, одна из надписей гласит: «Никанор, паралитичный. Пока он сидел и отдыхал, один мальчишка украл у него костыль и бросился наутек. Он вскочил, побежал за ним и стал здоров...

Девочка, немая. Обегая вокруг храма, она увидела змею, всползавшую на дерево в роще; в ужасе стала звать мать и отца и ушла отсюда здоровой».

Целительное действие внезапных раздражителей давно уже используется в психиатрии для лечения разнообразных истерических симптомов, среди которых параличи, слепота, немота и глухота занимают не последнее место. Так что в данных фактах исцеления паралитичного и глухонемой нет ничего «сверхъестественного».

Чудесным исцелениям значительное место в своих священных книгах уделяла и христианская религия.

С первых же шагов своего возникновения христианская религия окружила ореолом всесильного исцелителя Иисуса Христа. Текст Евангелия обильно пересыпан легендами о якобы совершавшихся им чудесах, среди которых исцеления больных занимают первое место как по количеству, так и по придающемуся им в Евангелии значению. Они пускаются в ход для того, чтобы обратить в истинную веру непосвященных, укрепить сомневающихся в ней, посрамить ее врагов. В одной только восьмой главе «Евангелия от Матфея» говорится об исцелении прокаженного прикосновением руки; об исцелении слуги сотника благодаря сказанному Иисусом Христом: «Да будет тебе по вере твоей»; исцелении тещи апостола Петра от горячки, затем сразу о массовом исцелении, когда «к нему привели многих бесноватых и он изгнал духов словом и исцелил всех больных». Но и этого составителям Евангелия для одного дня показалось мало, так как тут же снова рассказывается, что в тот же вечер Христос исцелил еще двух «свирепых» бесноватых, переселив из них бесов в стадо свиней, свиньи же, взбесившись, бросились с крутизны в море и погибли. Подобные же повествования содержатся и в других главах этого и остальных трех Евангелий (от Марка, от Луки и от Иоанна). Верхом неправдоподобия является «чудо» воскрешения Лазаря, которое Христос совершил якобы через четыре дня после смерти этого человека, когда труп уже начал «смердеть». «Власть над нечистыми духами, чтобы изгонять их и врачевать всякую болезнь и всякую немощь», Христос, согласно тексту Евангелия, передал якобы своим ученикам.

Среди всех этих многочисленных «чудесных исцелений», о которых повествуется в книгах Нового завета, заслуживает особого разъяснения вопрос об исцелении бесноватых. В те времена, к которым относится написание евангельских повествований (II—IV века нашей эры), бесноватыми называли людей, страдающих нервно-психическими расстройствами. Среди последних немало было больных, страдающих различными неврозами, в том числе и истерией.

Установлено, что в происхождении большинства симптомов истерии (носящих подчас очень тяжелый характер) большую роль играет внушение и самовнушение. Эти же механизмы, как показал большой опыт практики лечения истерии, могут быть успешно использованы и в устранении отдельных проявлений болезни. Следовательно, некоторые исцеления бесноватых, приписываемые мифической личности Христа и его ученикам, могли вполне иметь место, и вероятно не раз в истории совершались какими-нибудь проповедниками христианства. Однако причиной при этом

отнюдь не было «чудо» — проявление могущества «божия», а вполне естественное явление, ныне хорошо и четко разъясненное наукой и успешно применяемое в необходимых случаях современной медициной.

Какую огромную роль играет внушение и самовнушение в формировании болезненных проявлений истерии, нагляднее всего можно показать на примере демономании и кликушества.

В мрачную эпоху средневековья над умами людей почти безраздельно довлело религиозное мракобесие. Всякая прогрессивная мысль жестоко преследовалась церковью. По всей Европе пылали костры инквизиции, на которых после мучительных пыток сжигали «ведьм» и «колдуний» — несчастных людей, подозреваемых в союзе с дьяволом. За четыре века (XIV—XVII), в течение которых длились эти гонения, количество жертв инквизиции достигло 9 миллионов человек. Вера в потусторонний мир, в бога и ангелов, страх перед кознями дьявола и его многочисленных приспешников — «нечистых духов» охватили все слои населения. На этой основе и возникали массовые заболевания демономанией.

Особенно сильно развилось заболевание демономанией во Франции, в городе Эксе, в монастыре Урсулинок. Вначале одна из монахинь, за ней еще две-три, а потом чуть ли не все монахини монастыря вообразили, что в них вселился демон — бесовский дух, заставляющий их произносить, помимо своей воли, богохульные речи, содрогаясь при этом в мучительных припадках.

В сочинении монаха Захария (1600 г.), посвященном одержимости, так описываются симптомы демономании: «...одержимая как бы задыхается, плачет, сама не понимая о чем; с гневом отвечает на вопросы и зачастую вовсе не хочет говорить. Стискивает зубы и отказывается от пищи; обнаруживает ненависть по отношению к некоторым лицам; произносит бессмысленные слова, удручена чем-то страшным и как бы лишена всех чувств. Ударяет себя кулаком, рвет на себе одежду и волосы, дико вращает глазами, испытывает необычайный страх, от которого внезапно успокаивается. Подражает голосу различных зверей: рыканию льва, блеянию овец, мычанию быка, лаю собак, хрюканью свиньи; скрежещет зубами, изо рта идет пена и вообще ведет себя, как бешеная собака...» [1].

Окружающим особенно удивительным казался тот факт, что даже прижигания каленым железом не заставляли одержимую перестать биться в судорогах припадка или вообще

---

[1] Я. Канторович. Средневековые процессы о ведьмах, стр. 122—123. СПБ. 1899.

как-то на это реагировать. Подобная нечувствительность к боли, а также то, что приступы чаще всего возникали у больных во время богослужений, казались современникам главными свидетельствами «нечистого» происхождения этих болезней.

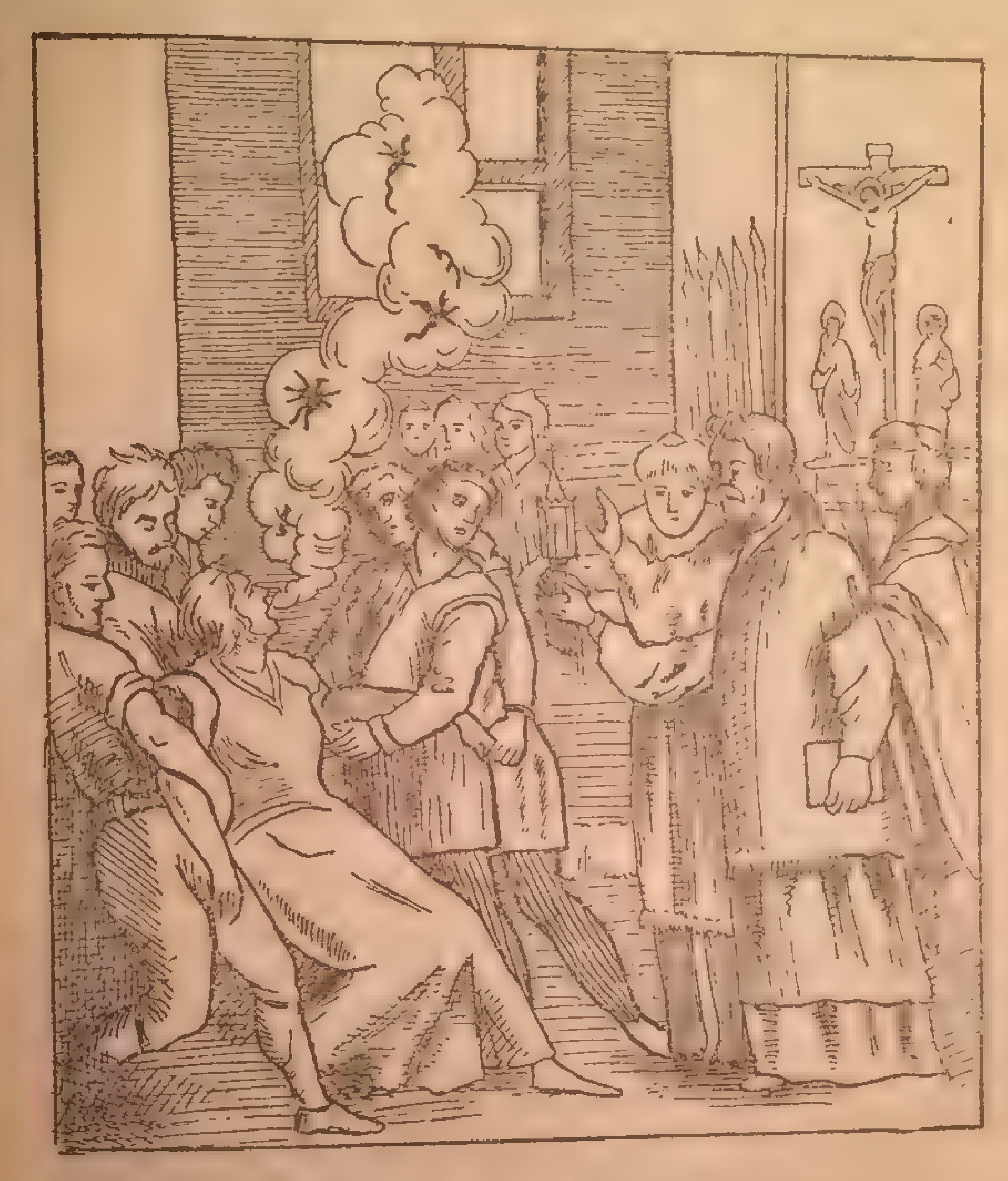

Рис. 10. Изгнание беса из бесоодержимой. (Старинное изображение).

Демономания охватила целый ряд монастырей Франции, распространилась и на другие страны Европы, нередко болезнь перебрасывалась также на жителей прилегающих к монастырям местностей — словом, принимала характер жестокой эпидемии. Средство лечения все видели только в одном—необходимо изгнать беса из одержимых (рис. 10). Католическая религия создала для этого специальный ритуал молитв и заклинаний, в которых роль главного «целителя» была отведена, как и следовало ожидать, богу. Одно из заклинаний, произносимое священником для изгнания «бесов», терзающих тело и душу несчастной жертвы, звучало так: «О ты, душегубец окаянный, дьявол, несчастный дух, искуситель, лжец, еретик, пьяница, безумец! Заклинаю тебя

именем Господа Нашего выйти немедленно из этого человеческого тела; скройся в пучинах морей или исчезни в бесплодных деревьях... и т. д.» [1]. Но в большинстве случаев заклинания не помогали. И женщины продолжали биться в истерическом припадке, пока их не заставляли утихнуть глубокая усталость и изнеможение.

Некоторое сходство с демономанией имеет кликушество — заболевание, которое было распространено среди крестьянок России во времена крепостничества и кое-где сохранялось вплоть до Октябрьской революции. Припадки у кликуш обычно возникали на людях, чаще всего в церкви. Больная внезапно начинала кричать не своим голосом, плакать, биться в судорогах, глаза закатывались, лицо становилось мертвенно бледным или иссиня-багровым. Есть старое описание одной кликуши, которая, когда «паде на нее бес, учала собакою лаять, и козою блекотать, и кукушкою куковать» [2]. Во время такого приступа кликуша выкрикивала имя человека, который, по ее мнению, напустил на нее «порчу», наслав беса, терзающего ее тело. Наилучшим средством «лечения» считалось отчитывание кликуш специальными врачевальными молитвами. Кликуш нередко поили также настоем на пепле из церковных кадил, веря, что сидящий в кликуше бес должен в этом случае неминуемо покинуть тело своей жертвы, так как не выносит ничего «святого».

Для нас происхождение кликушества, так же как и демономании, совершенно очевидно. Тяжелые условия жизни крестьянства в царское время, непосильный труд, слишком раннее, как правило, материнство, неравноправное положение женщины тяжелым грузом ложились на плечи женщин, ослабляли, а нередко и непоправимо калечили их нервную систему. Если учесть при этом широко и глубоко укоренившиеся религиозные предрассудки и суеверия, постоянно будоражащие воображение рассказы о бесах, о колдунах и колдуньях, якобы в любой момент властных напустить на неполюбившегося им человека «нечистого духа», то не трудно понять, как могли действовать подобные впечатления на людей с болезненно восприимчивой нервной системой.

Веря в то, что якобы сидящий в них бес не любит священных книг, церковных песнопений и причастия, кликуши испытывали особенное нервное напряжение во время церковной службы, и не удивительно, что здесь-то и разыгрывались у них особенно тяжелые истерические припадки. Многие же заболевали из подражания, которое так свойственно истерическим натурам.

---

[1] Я. Канторович. Средневековые процессы о ведьмах, стр. 124.
[2] Там же, стр. 184.

Большое количество убедительных примеров, демонстрирующих роль внушения в возникновении религиозных эпидемий, содержится в книге В. М. Бехтерева «Внушение и его роль в общественной жизни». Вот один из них. Во второй половине прошлого века в Америке немецкий эмигрант, некий Шлятер, объявил, что он якобы мессия, призвание которого заключается в том, чтобы просветить Америку евангельским учением. Для подтверждения своей «божественной избранности» Шлятер стал «исцелять» своих последователей наложением руки. Молва о творимых им «чудесах» распространялась с невероятной быстротой, и к Шлятеру стало стекаться такое количество людей, что он уже стал не в состоянии удовлетворять всех, жаждавших его помощи.

Вот как описывал сцену такого «исцеления» один присутствовавший там репортер: «Со всех сторон были видны мужчины, женщины и дети с печатью душевного страдания на лице; с каждой минутой толпа увеличивалась и скоро вся местность представляла море голов, насколько можно было охватить взглядом. Потом внезапное движение прошло по собранию, и всякий, даже малейший шепот затих... пришел Шлятер. Когда я приблизился к нему, мной овладел сверхъестественный страх, который было трудно проанализировать. Моя вера в этого человека росла вопреки моему разуму. Бодрствующее, контролирующее, мыслящее, рассуждающее я стало колебаться, терять свою силу, а рефлекторное, подбодрствующее начало укрепляться. Когда он отпустил мои руки, моя душа признала какую-то силу в этом человеке, чему, по-видимому, противились мой ум и мой мозг» [1].

Видимо, здесь внушающее действие, помимо собственной веры исступленной толпы в «чудотворную» силу проповедника, оказала еще фантастически бредовая убежденность самого Шлятера в своем «высшем» призвании и связанном с этим «божественном даре» целителя. Сам Бехтерев заканчивает описание этого случая следующими словами: «Этот поражающий пример, взятый из жизни современного общества, показывает нам со всей яркостью, каково может быть действие внушения в бодрственном состоянии при условии слепой веры в силу производимого влияния» [2].

В 1829 году молва о «чудесах» собрала толпы любопытных на парижское кладбище Сен-Медар. Началось с того, что несколько верующих почитательниц незадолго до того похороненного здесь священника Пари объявили, что, прикоснувшись к его могиле, они почувствовали себя исцеленны-

---

[1] В. М. Бехтерев, Внушение и его роль в общественной жизни, стр 35. СПБ. 1904.

[2] Там же.

ми от своих недугов: некая Анна Куроно, дотоле передвигавшаяся лишь с помощью костылей, бросила их и легко пошла сама; глухая госпожа Биго, раньше остававшаяся безучастной к стрельбе из пистолета над самым ее ухом, стала чутко слышать; у девицы Тибо распрямились и получили возможность свободно двигаться судорожно сведенные прежде руки и т. п. Вскоре и многие другие стали испытывать здесь приступы особенного восторженного состояния, во время которого одни внезапно объявляли себя «исцеленными», другие начинали «прорицать» будущее, третьи били себя в грудь, каялись в грехах, произносили горячие религиозные проповеди и т. д.

Вскоре сюда потекли паломники со всей Франции, весь прилегающий к кладбищу район Парижа стал свидетелем массовых судорог, кривляний, всхлипываний и экзальтации. Число «чудесным образом исцелившихся» росло. Вначале духовенство взирало на все это с видимым удовольствием: 23 кюре ходатайствовали перед архиепископом Парижа, чтобы он удостоверил совершающиеся здесь «могуществом божьим» исцеления. Но вскоре эпидемия судорог и «чудес» приняла такой размах и характер, что королю пришлось приказать обнести все кладбище оградой и закрыть вход. Однако и эта мера не сразу принесла успокоение, еще долго «конвульсионеры» (как их называли во Франции, от слова конвульсии — судороги), образовав тайную секту, продолжали неистовствовать у себя в домах.

Мы видим здесь, как психическая эпидемия, распространившись среди подверженных явлениям внушения и самовнушения истерических субъектов, с одной стороны, освобождала их от болезненных проявлений психогенного порядка, а с другой стороны — увеличивала размах самой эпидемии и количество вовлекаемых в нее верующих.

Все современные религии приписывают способность совершать «чудесные исцеления» не только богу и его служителям, но отдельным источникам, озерам, пещерам, камням, деревьям, травам и т. д., а также религиозным реликвиям и предметам религиозного культа (мощам «святых», кресту, свечам, иконам, скульптурным изображениям богов и т. п.). В этом они ничем не отличаются от древнейших примитивных верований первобытного фетишизма, когда люди искали защиты от бед у «священных» предметов (камней, скал, перьев птиц, змей, водорослей, деревянных или каменных фигурок животных и т. п.), святость которых и могущество были созданы собственным воображением беспомощных первобытных людей. Такова же по сути дела и вера христиан во «всеисцеляющую» силу воды реки Иордана, в которой, по преданию, крестился Христос, вера магометан в «чудесные» свойства источника Земзем в Мекке,

индуистов — в «божественное» могущество воды реки Ганга и т. д.

В дореволюционной России с давних пор особенное распространение получило поклонение иконам и мощам «святых». Больные, веря, что этим предметам присуща «сверхъестественная» сила, способная дать исцеление, совершали к ним паломничества или давали обет совершить его, если они выздоровеют. Тысячи паломников шли ежегодно к Киево-Печерской и Троице-Сергиевской лаврам, в Соловецкий монастырь, чтобы приложиться к «святым» мощам. Существовало около 300 икон одной только богородицы, каждая из которых имела свое название и свою, если можно так выразиться, «специальность». Верили, что «Скорбящая» спасает от болезней, «Владимирская» и «Смоленская» — от внешних врагов и т. п. Так же обстояло дело и с иконами «святых угодников»: одни считались особенно помогающими от головной боли, другие — от лихорадки, третьи — от пьянства, зубной боли и т. п. Имеется поверье, сохранившееся среди некоторых отсталых людей и до нашего времени (примеры мы приведем ниже), что наибольшей «чудотворной» силой обладают «явленные» иконы, как называли иконы, случайно найденные неподалеку от воды. Народная молва при небескорыстном содействии духовенства (каждый священник был рад возможности иметь в своей церкви икону, к которой благодарные верующие несли доброхотные дары) тотчас создавала вокруг новоявленной иконы целую серию легенд об исцелениях. Эти слухи росли и множились, привлекая все новых и новых людей, ищущих сверхъестественного врачевания.

Как и во всех подобных историях с «чудесными исцелениями», здесь бывало все: и совершенно неправдоподобные, не имеющие под собой никакой реальной почвы, фантастические рассказы, и мнимые, умышленно подделанные «исцеления», и случаи, когда больному казалось, что он выздоровел, и он радостно оповещал об этом всех, но, вернувшись домой, оказывался по-прежнему тяжело больным. Встречались также отдельные случаи, когда болезненные симптомы (нередко и весьма тяжелые, беспокоившие больных годами) действительно исчезали, и человек по праву называл себя исцеленным. Но и здесь, конечно, как и в других, уже описывавшихся нами фактах такого рода, не было никакого «чуда»: выздоровление наступало в силу вполне естественных, вполне объяснимых современной наукой причин. Вот один очень интересный факт подобного внешне совершенно «чудесного» исцеления, который приводим из уже упоминавшейся книги В. М. Бехтерева.

«Мальчик Г. страдал параличом истерического происхождения, природа которого к сожалению осталась нераспоз-

нанной со стороны известного в Петербурге психиатра, признавшего его неизлечимым. Парализованный мальчик оставался беспомощным уже много лет, как вдруг однажды во сне он увидел лик Божьей Матери, приказавшей ему поклониться св. иконе, находящейся в часовне по Шлиссельбургскому тракту у Стеклянного Завода и известной тем, что ударом молнии в 1888 г. было разрушено все внутри часовни, но сохранился лишь образ Божьей Матери, причем лик ее оказался усеянным в форме венца медными монетами из сборной народной кружки[1]. Проснувшись, Г. настойчиво начал просить себя повезти к упомянутой иконе, и когда желание его было исполнено, то оказалось, что уже во время молебна он получил возможность стоять на ногах и с этих пор начал ходить»[2]. В этом примере мы видим, что фанатическая вера в исцеляющие возможности «чудотворной» иконы способствовала по механизму самовнушения почти моментальному освобождению от истерического паралича.

В таких случаях при соответствующем анализе можно установить как происхождение заболевания, так и естественные причины, сыгравшие роль целительных факторов. Однако никогда не имели места случаи, когда бы в подобной обстановке излечивались так называемые органические параличи, вызванные разрушением нервных клеток головного или спинного мозга и их проводящих путей. Можно привести много примеров, когда надежда на «чудо» исцеления не только никого не исцеляла, а, наоборот, способствовала самому тяжелейшему исходу заболевания. Тысячи больных, отягощенных религиозными суевериями, из века в век уповавших на «божественную» милость, молившихся и ставивших свечки вместо того, чтобы вовремя обратиться к врачу, в результате безнадежно запускали свою болезнь. Часто пускаясь в утомительное, изнуряющее ослабленный организм паломничество к мощам или иконам, больные погибали, не дойдя до цели, или на обратном пути.

Особенно большую опасность представляют «святые» места или иконы тем, что они являются прямыми рассадниками заразных заболеваний. Огромное скопление больных с самыми разнообразными болезнями, прикладывание к мощам и иконам, массовое купание больных в источниках ведет к повальным заболеваниям — эпидемиям. Характерен в этом отношении такой пример. В 1771 году в Москве во время эпидемии чумы духовенство распространило среди народа слух о том, что иконе Боголюбской богоматери присуща

[1] Объяснение подобных «чудес» смотрите в книге В. А. Мезенцева «Есть ли чудеса в природе». Госполитиздат. 1957.

[2] В. М. Бехтерев. Внушение и его роль в общественной жизни, стр. 36.

«чудотворная» способность исцелять от чумы и защищать от заболевания ею. Народ валом повалил к Варварской башне, где находилась икона. Здесь круглосуточно служились молебны об избавлении от чумы, после которых люди один за другим прикладывались к иконе. В результате эпидемия вспыхнула с удвоенной силой. Московский архиепископ Амвросий был вынужден закрыть доступ к иконе. Возмущение этим запретом было так велико, что послужило внешним толчком для так называемого «чумного бунта», истинные причины которого были, конечно, значительно глубже.

Кажется, как далеки от нас и как невероятно дики все эти, с позволения сказать, «методы лечения»! Кажется, зачем писать о них, доказывать их нелепость и прямой вред — ведь они так очевидны! И без того, мол, никто не обратится к ним в наше время, когда профилактическая медицина создала мощные средства предупреждения опасных заразных заболеваний. Зачем, кажется, надеяться на помощь «сверхъестественных» сил, когда современная терапия, вооруженная таким действенным лекарственным средством, как антибиотики, в буквальном смысле слова творит чудеса в борьбе с такими прежде нередко смертельными заболеваниями, как воспаление легких, гнойный и туберкулезный менингит, дизентерия и другие; когда хирургия достигла такого совершенства в своей технике, что с успехом проводит операции на сердце, возвращая не только надежду на жизнь, но и полную работоспособность считавшимся до сих пор безнадежно больным... И все же, как показывают факты, надежда на «чудо» исцеления, на выздоровление с помощью «божественного» вмешательства все еще существует. Приведем в качестве примера такой и ныне активно действующий очаг «чудесных исцелений», как французский город Лурд, с помощью которого католическая церковь собирает богатую дань пожертвований уже более ста лет.

«Не только Франция, вся Европа, весь мир пускался в путь, и в некоторые годы особенного религиозного подъема там бывало от трехсот до пятисот тысяч человек», — писал в 1894 году известный французский писатель Эмиль Золя в романе «Лурд»[1]. Почти о такой же цифре ежегодных посетителей Лурда сообщает в своем рассказе «Лурдские чудеса», написанном в 1929 году, советская писательница Ольга Форш. О людском потоке больных и паломников, направляющихся к Лурдской базилике, писал в книге своих впечатлений о Франции делегат Международного ботанического конгресса (1954 г.) академик А. Л. Курсанов.

А началась эта шумная слава в 1858 году.

Жительница Лурда, тихого и маленького городка, болез-

---

[1] Э. Золя. Лурд, стр. 30. ГИХЛ. 1953.

венно нервная девочка Бернадетта Субиру, возвратившись однажды из окрестного леса, в котором она собирала хворост, рассказала о каком-то дивном, озаренном сиянием «видении», почудившемся ей, когда она перебиралась через ручей, вытекавший из темного грота. Родители Бернадетты были бедными, забитыми людьми, проникнутыми, как и большинство населения городка, слепой религиозной верой. Бернадетта, отличаясь особенно большой набожностью, всецело находилась под влиянием местного священника. Он с интересом выслушал ее рассказ и затем после каждого посещения девочкой грота подробно расспрашивал ее, не пыталась ли она повнимательнее разглядеть явившуюся ей фигуру, не произносило ли видение каких-нибудь слов и т. д.

Под влиянием этих настоятельных наводящих вопросов, внушающая роль которых очевидна, рассказы Бернадетты о продолжавшем посещать ее «видении» становились с каждым разом все определеннее. Девочка стала утверждать, что теперь она ясно разглядела, что ей «является» женщина в белом, опоясанном голубой лентой одеянии богоматери. И, наконец, однажды заявила, что в последнее свое посещение видение назвало себя «непорочным зачатием» и обещало, что отныне вода источника, вытекающего из грота, будет приносить исцеление от недугов всем ревностно верным богородице страждущим католикам.

Естественно, что тотчас нашлись больные и немощные, жаждущие избавления от своих страданий, и, как писал в своем романе Золя, «желание исцелиться исцеляло, жажда чуда творила чудеса. Человеческие страдания, потребность в утешительной иллюзии создали бога жалости и надежды, чудесный потусторонний рай, где всемогущая сила чинит правосудие и распределяет вечное блаженство на веки веков».

Молва о первых исцелениях быстро распространилась среди жителей городка, а затем, усиленно раздуваемая и поддерживаемая духовенством, облетела всю Францию. Клерикалы объявили, что богородица повелела, чтобы у грота была сооружена посвященная ей часовня. И вот в 1864 году на собранные колоссальные частные пожертвования здесь была сооружена базилика — один из богатейших храмов в Европе (рис. 11). На широкую ногу была поставлена реклама. Специальным эдиктом папы Римского Лурд был объявлен местом официального ежегодного паломничества католиков. Еще и поныне сюда направляются ослепленные верой, мечтающие о чудесном избавлении от мук больные и страждущие чуть ли не со всех концов земли.

Какова же обстановка, в которой происходят лурдские чудеса? Продуманная система последовательного влияния на сознание больного с начала движения от дома палом-

ника до Лурдского грота — вот основа лурдских «чудес». Попробуем проанализировать причины, которые порождают эти «чудеса». Каково исходное состояние психики паломника, какова та почва, на которой будет складываться представление о «чуде»? Это психология человека, который в

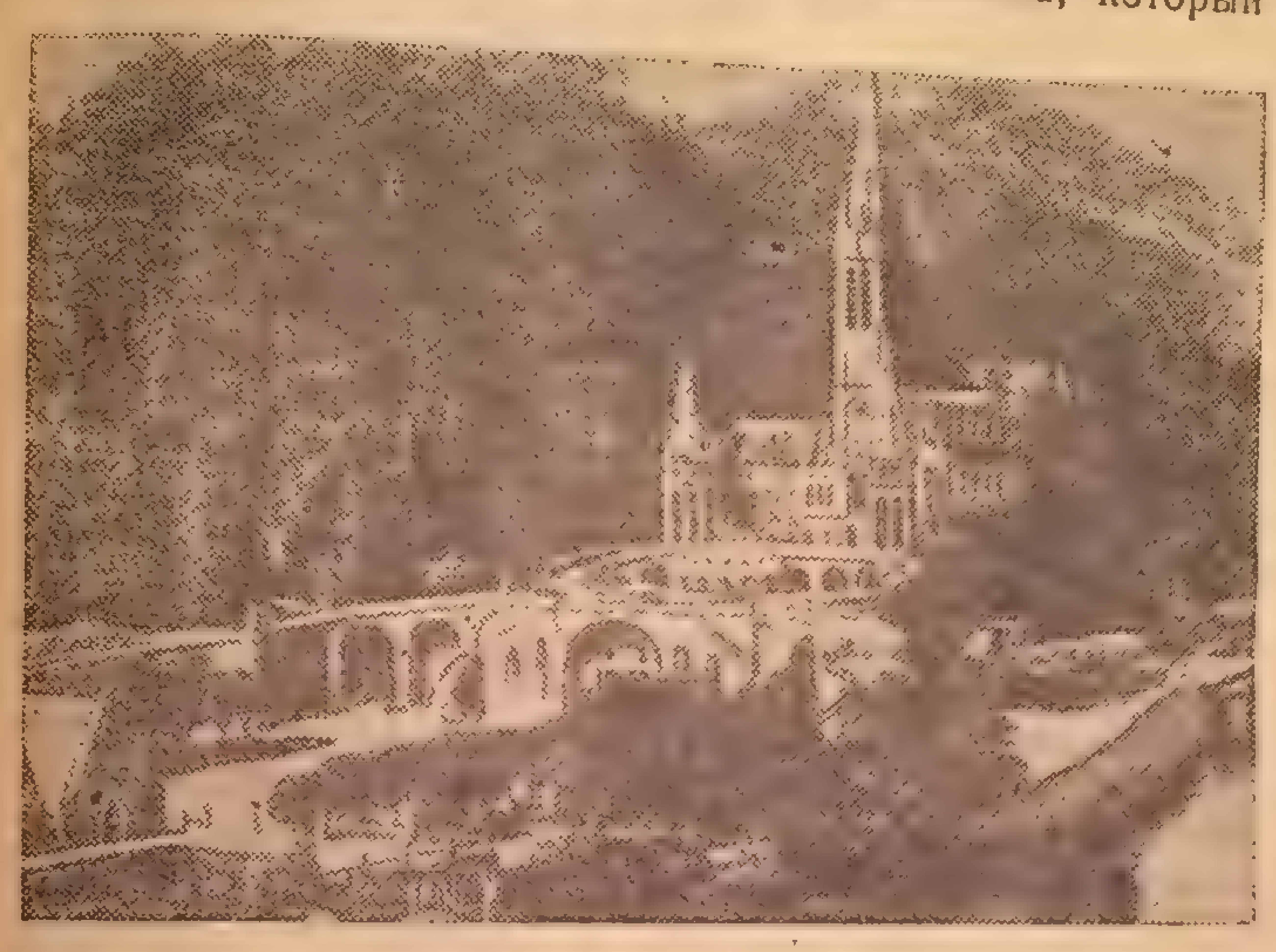

Рис. 11. Лурдская базилика.

процессе длительной и безуспешной борьбы с болезнью разуверился в реальной возможности получить помощь, разуверился в медицине. Но без надежды человек не может жить, и вот на место утраченной веры в возможность медицинского излечения появляется упование на исцеление чудодейственное. А тут отовсюду доходят слухи о лурдских чудесах, об этом говорят с кафедр соборов, пишут в специальной клерикальной газете «Лурдский паломник», рассказывают побывавшие там очевидцы. Уже отсюда идет процесс подготовки сознания больного к восприятию «чудодейственной» помощи.

Начинаются сборы в дорогу. Естественно, что с этого момента разговоры уже только о чудесах, о поразительных случаях магического избавления людей от неизлечимых страданий, о Лурде. Весь путь до Лурда строго продуман духовенством с тем, чтобы использовать все возможности воздействия на психику движущегося потока паломников, потока больных и сопровождающих их родственников. Воображение этих людей уже в высокой степени подогрето, малейший толчок может стать поводом к новой вспышке

наэлектризованной веры. Каждый вагон с паломниками сопровождают представители духовенства, специальные «сестры» и «братья» милосердия. Подолгу беседуют они с каждым больным, с его родственниками, обнадеживают, рассказывают, что вот совсем недавно ехал больной в таком же состоянии, и богоматерь услышала его жалобу, ниспослала ему свидетельство своей милости и он уехал исцеленный. Среди пассажиров распространяют специальную литературу о чудесных исцелениях. Раздаются фотографии больных людей до их поклонения у грота и их же, выздоровевших после спасительного паломничества. Разучиваются молитвы и тут же хором по многу раз повторяются.

Религиозная экзальтация нарастает по мере приближения к конечной и желанной цели путешествия. Вот и Лурд. Выгрузка больных происходит в обстановке взволнованности, в атмосфере напряженного ожидания и общего нетерпения. Прибывших встречают посланцы Лурдской базилики. Они торжественно молчаливы, скупо роняемые ими слова кажутся многозначительными. Теперь они берут в свои руки заботу о страждущих душах больных паломников. Они поведут их в базилику и к святому святых Лурда — гроту, из которого вытекает «чудесный» источник. Вечером, накануне общего моления у грота, способные ходить паломники участвуют в торжественном шествии со свечами вокруг базилики. Наутро все собираются к гроту. Торжественной церемонией руководят священники. Во время молитвы, повторяемой вслед за священником хором больных, неисчислимое количество раз произносятся одни и те же слова мольбы: «Господи Иисусе! Исцели наших больных! Всемогущая дева, спаси нас!» Снова и снова, все с большей верой и надеждой звучат эти однообразно повторяемые слова. Экстаз толпы нарастает. В ней появляются фигуры, застывшие в молитвенных позах, с взглядом, отсутствующим, устремленным в какую-то отдаленную точку; глаза других лихорадочно блестят, а руки в молитвенном исступлении разведены в стороны (рис. 12). То там, то здесь начинают раздаваться истерические выкрики, судорожные вздохи. В таких условиях иногда могли происходить избавления некоторых больных от заболеваний, связанных с различными нервными расстройствами (припадки нервного характера, истерические параличи и т. п.). Однако опять-таки причина здесь вовсе не в «святости» данного места или источника и ничего «сверхъестественного» в этом нет. Причина такого «исцеления» вполне понятна, она объясняется внушением, самовнушением, а также условиями и обстановкой, способствующими возникновению гипнотического состояния.

Но чаще всего «чудеса» Лурда не помогают, подавляющее большинство больных уезжает отсюда не только не

исцеленными, но еще более ослабленными проделанным путешествием и опустошенными морально, вследствие потери надежды на спасение от страданий.

Лурд — крупный, но не единственный очаг, с помощью которого католическая церковь пытается разжечь угасающую

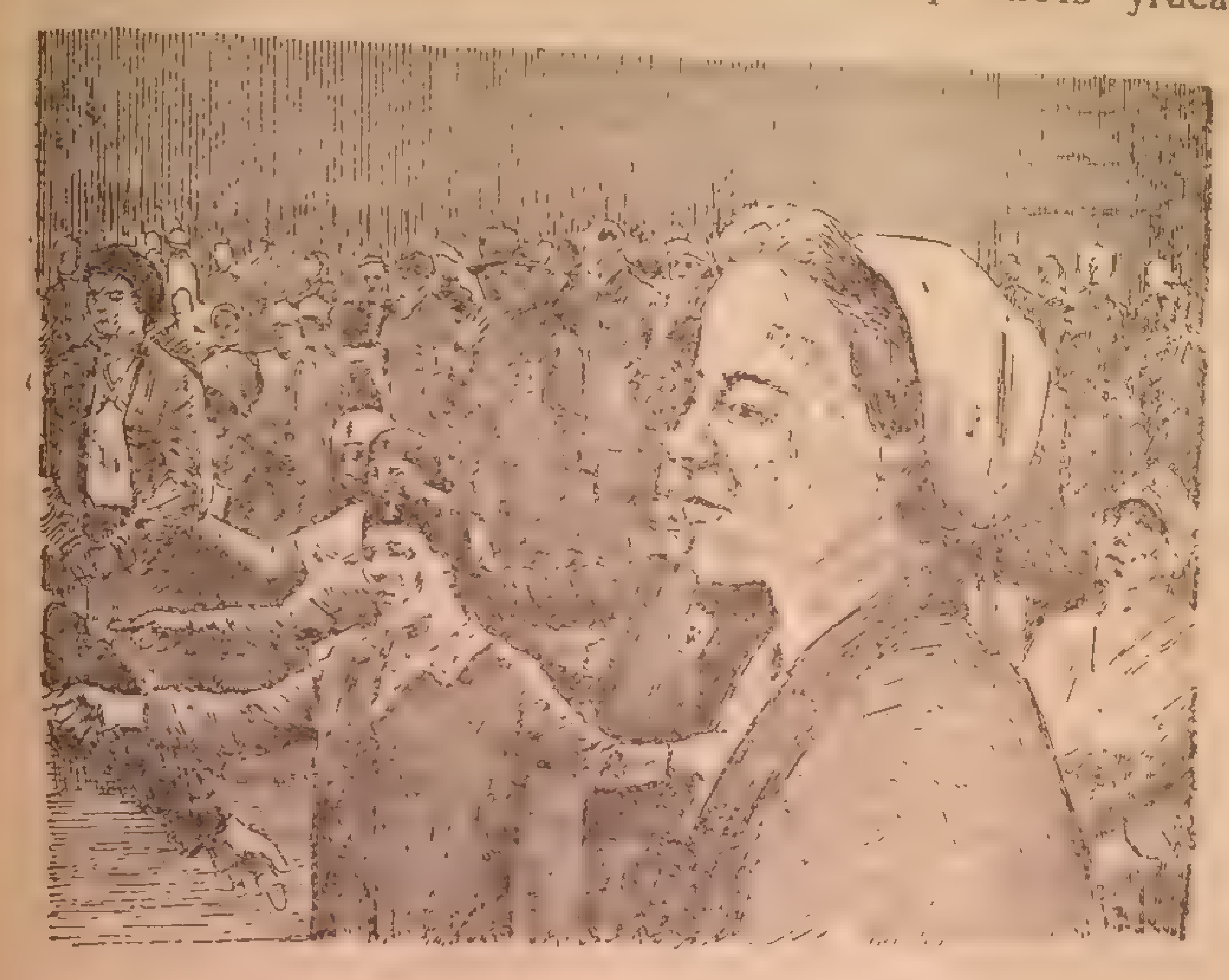

Рис. 12. Лурдские паломницы в религиозном экстазе.

щую веру в могущество бога. Старания церкви охотно поддерживают капиталистические государства, видящие в мистическом дурмане «чудес» один из испытанных способов отвлечь сознание людей от классовой борьбы.

В США широко поощряется деятельность всевозможных шарлатанов, спекулирующих на религиозных представлениях и самых диких суевериях. Так, например, вскоре после войны в США появился авантюрист, выдававший себя за Иисуса Христа и пользовавшийся широкой рекламой в печати. В Нью-Йорке процветает торговля «кладбищенской пылью», свечами «от дурного глаза», различными талисманами. Особенно широкой популярностью пользуется «магическая заячья лапка», для производства которой созданы специальные предприятия. Король «заячьих лапок» Чарльз Брэнд изготовляет на своей фабрике до миллиона лапок в год.

Подсчитано, что жители США тратят на всевозможных знахарей, «прорицателей», «астрологов» и прочих мистиков

1356—2

свыше 200 миллионов долларов в год. Имеются даже специальные учебные заведения, в которых преподается курс «мистических наук». Так, в Нью-Йорке существует «Американский колледж астральной науки», в Сан-Франциско — «Колледж магов», в Иллинойсе — «Египетская школа астрологии и оккультизма». Ловкие бизнесмены наживают немалые барыши на назойливо рекламируемых «пилюлях здоровья», «элексирах бодрого настроения», «таблетках молодости» и т. п. Легковерные люди, попавшиеся на их удочку, часто оказываются в числе печальных жертв своей доверчивости, так как в состав большинства подобных «чудотворных» средств входят наркотики, вызывающие тяжелые отравления.

Вера в астрологию[1], увлечение гороскопами[2] и беседами с «духами умерших» широко распространены также и в Англии. Английская буржуазная печать печатает сообщения все о новых и новых привидениях, якобы посещающих дома англичан. Некоторые из таких привидений стали уже традиционными; таковы часто повторяющиеся рассказы о «черном принце». Не перевелись и целители с помощью «духов». Об этих своих способностях оповещал, например, некий Чарльз Раув. Подобных «специалистов» широко рекламирует и французская печать. Долгое время среди французских крестьян не без успеха подвизался «маг» Вильям Барбе, утверждавший, что он всесилен в вопросах «изгнания черта». Теплый прием всевозможным «гадалкам» и «астрологам» оказывает также правительство Западной Германии. Объявления одной из них — Эльзы Конен — висели даже в само̀м здании боннского парламента.

Все эти и подобные им факты, которых привести можно было бы очень много, с несомненной очевидностью свидетельствуют о тесной связи религиозного мракобесия с самим существом капиталистического государства, которое в силу своей классовой природы заинтересовано в разжигании и усилении различных форм суеверий.

В нашей стране ликвидированы эксплуататорские классы, уничтожены классовые корни религии, активно ведется массовая культурно-просветительная работа, направленная на последовательную идейную борьбу с пережитками прошлого в сознании людей. Подавляющее большинство граждан нашей страны — активные и сознательные строители

---

[1] Астрология (от греческого слова «астро»—звезда, «логос»—учение)— ложное учение, опираясь на которое пытались предсказать исход предпринимаемых действий, а также будущее отдельных людей и целых народов по расположению небесных светил.

[2] Гороскоп — по учению астрологов, чертеж, изображающий расположение светил в момент рождения человека, предопределяющее его судьбу.

коммунизма, которым глубоко чужда и враждебна религиозная идеология с ее проповедью рабства, покорностью судьбе, бездеятельного упования на волю «божью».

Однако встречаются еще люди, которые не освободились полностью от устаревших взглядов. Религиозные представления живучи, ибо велика сила привычки, а религия насчитывает около 100 тысяч лет существования. Случается, что на поводу у религиозных взглядов оказывается и молодежь. Это обычно бывает там, где запущена воспитательная работа комсомольских и общественных организаций, что дает возможность проповедникам религии с помощью тех или иных приемов увлечь в свои сети неустойчивых людей. Поэтому и у нас встречаются факты оживления веры в чудесные исцеления, «святые» источники и «явленные» иконы.

Так, например, в Горьковской области до сих пор еще сохранилось паломничество верующих к озеру Светлояр[1], о котором существует старинная легенда, будто оно возникло на месте исчезнувшего города Китежа. Верующие считают, что если проползти вокруг озера на коленях, то можно вымолить исполнение самого сокровенного желания. И вот старики, женщины, даже дети ползут, каждый тая про себя свое: одни — надежду на исцеление от немощи, другие — жажду успеха в сдаче экзаменов и т. д. Толкущиеся здесь же лица, выдающие себя за «святых» странников, монашенки, юродивые пользуются случаем погреть руки.

В Кировской области после Отечественной войны оживилось паломничество к реке Великой, на берегу которой якобы несколько сотен лет назад «объявилась» икона Николая Угодника[2]. Сотни людей ежегодно с иконами и иконками в руках идут к этому месту, веря в «сверхъестественную» целительную силу всего, что здесь находится, — деревьев, воды, камней, земли. Пришедшие к реке бросают в нее свое белье (здесь бытует поверье, что это обеспечит выздоровление), купают в холодной воде маленьких детей, от чего, конечно, нередки случаи тяжелых воспалений легких. И здесь действуют ловкие аферисты, на ходу фабрикующие мнимые исцеления и тем привлекающие к себе любителей «чудес».

Не менее упорно, чем религиозные предрассудки, сохраняются в сознании некоторых отсталых людей закоснелые суеверия, заставляющие их верить гаданиям и приметам, бояться «сглаза», обращаться не к врачам, а к знахарям и, вместо того чтобы самим справляться с трудностями в лич-

---

[1] См. статью В. Шапошниковой «Вокруг Светлояра» в журнале «Звезда» № 12 за 1958 год.

[2] См. статью Я. Сухорукова «Шарлатаны действуют» в журнале «Советские профсоюзы» № 10 за 1958 год.

ной жизни, возлагать надежды на ворожей. Суеверия и невежество таких людей, их слепое упование на неземные, потусторонние силы часто приводят к тому, что они становятся объектом извлечения вполне земной наживы для мошенников и аферистов.

В начале 1958 года в нашей печати сообщалось о некоем «целителе» Порфирии Иванове[1]. Житель Ростовской области, он поначалу поражал воображение темных, невежественных людей тем, что в любое время года и при любой погоде появлялся на улице полунагой. Эти люди распустили слух, что он «святой» человек. Милиция не трогала его, так как было известно, что Иванов психически больной и что прежде он неоднократно лечился в соответствующих лечебных учреждениях. Но ловкие аферисты вскоре сделали из него доходную статью, внушив самому Порфирию и другим, что он обладает «волшебной силой» исцелять страждущих, помогать людям разрешать самые различные жизненные затруднения. Появились желающие вылечиться от язвы желудка и гипертонии, от грудной жабы и экземы и т. д. Рецепт «чудотворца» во всех случаях был одинаков: утром и вечером мыть ноги холодной водой, по субботам и воскресеньям не есть, перед едой говорить: «Учитель, дай мне здоровья». За особую плату Порфирий соглашался погружать свое тело в ванну, с тем чтобы после него в эту ставшую якобы целебной воду мог погрузиться больной. Другие начали обращаться с просьбами помочь уладить семейные неприятности, повысить успеваемость ребенка в школе или дать совет, как сделать стройной свою фигуру. Клиентуру «волшебника» составляли жители разных сел и городов, среди которых были и москвичи. «Святой» человек и его окружающие извлекали из уверовавших в чудесную силу «целителя» немалый доход (от одной больной, например, он получил за «лечение» 22 тысячи рублей). Порфирий разъезжал повсюду в собственной машине.

В Казани в 1957 году была привлечена к уголовной ответственности знахарка Газиза Сафиулина. Любые самые тяжелые болезни она бралась «излечивать» при помощи молитв, трав, глины и бочки с горячей водой. С больных взималась предварительная плата в сумме от 200 до 3000 рублей. Многие обманутые знахаркой люди получили в дополнение к своему заболеванию тяжелые нарушения сердечной деятельности, так как, согласно своему «лечебному методу», Сафиулина заставляла своих пациентов проводить по многу часов в бочке с горячей водой, обложенной со всех сторон мешками с глиной.

В Новосибирске была разоблачена некая Еремкина,

[1] См. статью И. Рябова в журнале «Крокодил» № 6 за 1958 год.

специальные агенты которой распускали о ней повсюду слух как о чудесной «врачевательнице» самых тяжелых недугов. Мошенница утверждала, что производимые ею втирания «болезнь как рукой снимают». Однако выяснилось, что в состав изготовлявшихся ею снадобий входило ядовитое вещество сулема. На вырученные от своих обманутых пациентов деньги Еремкина выстроила себе новый дом в центре города.

В газете «Правда» от 20 апреля 1958 года был напечатан фельетон И. Рябова, в котором рассказывалось о бурной деятельности святош на берегах речки Торгоши под Загорском. Эти люди утверждали, что вода в речке и впадающих в нее родниках — святая и что поэтому купание в ней может исцелить от любой хвори. Нашелся даже «солидный» человек — один инженер, который взял на себя неблаговидную роль подвести «научную» базу под эти невежественные измышления корыстных проводников суеверия и предрассудков. Самозванный «специалист» по распознаванию болезней брался здесь же на месте, оперируя цитатами из Евангелия, определять недуг жаждущего испытать на себе целительное действие торгошских вод и в соответствии с «диагнозом» назначал место омовения. Некая бабка утверждала, что достойные могут на речных камнях увидеть «проявление» ликов святых. В погожие летние дни сюда шло немало желающих обрести здоровье с помощью «чуда», но некоторых не останавливал и зимний холод. В результате возникало немало острых простудных заболеваний.

Со всеми такими явлениями, как мрачными тенями прошлого, находящимися в вопиющем противоречии с нашей светлой, жизнерадостной действительностью, необходимо вести беспощадную и непримиримую борьбу. Основным в этой борьбе должна быть широчайшая разъяснительная и просветительная работа, пропаганда медицинских знаний, разоблачение всех и всяческих ухищрений проповедников «чудес», а также уловок шарлатанов и авантюристов, затемняющих разум людей в своих личных корыстных целях.

Надежда на «чудо» исцеления, рожденная во времена полной беспомощности людей, прежде еще могла находить себе объяснение в недостаточном уровне знаний, в отсутствии действенных средств борьбы с болезнями; в наше же время, когда медицина с каждым годом обогащается ценнейшими открытиями, вооружающими врачей мощными средствами предупреждения и лечения самых тяжелых заболеваний, всякая вера в исцеление с помощью сверхъестественных сил, всякое упование на «чудо» является беспочвенным и свидетельствует лишь о невежестве человека, сохраняющего подобные представления. Она вредна не только для

сознания людей, но и для их здоровья. Она калечит и уродует человека, отбрасывая его назад во власть тьмы и мракобесия.

Первые сведения о гипнозе и внушении История их изучения

Когда наука впервые заинтересовалась вопросом о так называемых чудесных исцелениях, сразу же возникло предположение, что некоторые из них должны быть поставлены в прямую и непосредственную связь с явлениями гипноза и внушения. Но беда заключалась в том, что сущность этих последних сама по себе долгое время не находила правильного объяснения, веками оставаясь загадкой не только для широкой публики, но и для посвятивших себя этому вопросу исследователей.

И действительно, поведение человека, погруженного в состояние гипноза, отличается необычным сочетанием как бы противоречащих друг другу черт. Он становится неподвижным, глаза его закрыты, дыхание замедленно, равномерно. Если громко постучать — он не слышит, если тронуть его рукой — он не чувствует. Даже более сильное — болевое раздражение—не действует на него. Эта особенность гипноза (так называемая аналгезия, то есть полная потеря болевой чувствительности), отмечаемая у глубоко загипнотизированных, позволяет в ряде случаев использовать гипнотическое состояние для обезболивания во время хирургических операций.

Может быть, человек спит, и спит как-то особенно крепко? Ведь обычно спящий стонет, просыпается, если причинить ему боль. Но с предположением о том, что гипноз — это просто крепкий сон, не согласуются другие особенности поведения загипнотизированного.

Загипнотизированный с повышенной чуткостью воспринимает каждое, даже очень тихо произнесенное слово гипнотизирующего. Это слово обладает для него сверхсильным доминирующим значением. Оно способно вызывать в его организме самые удивительные и разнообразные сдвиги. По слову гипнотизирующего врача изменяется работа внутренних органов: появляется усиленное потоотделение, убыстряются или замедляются обменные процессы, увеличивается мышечная деятельность, ускоряется или замедляется работа сердца, изменяется ритм дыхания, перистальтика кишечника; могут быть вызваны такие рефлекторные акты, как тошнота, рвота и т. п. Это последнее находит свое прямое использование при лечении гипнозом алкоголизма и некоторых других наркоманий.

Не реагируя на окружающую действительность, загипно-

тизированный находится в постоянном контакте (так называемом раппорте) с гипнотизирующим, отвечает на его вопросы, продолжая пребывать в состоянии выраженного гипнотического сна. Загипнотизированный может выполнять по приказу гипнотизера ряд действий: он встает, ходит по комнате, перекладывает предметы, имитирует те или иные мышечные движения, связанные с определенными играми или рабочими процессами. Так, в ответ на внушение: «Вы находитесь в лодке. Гребите!» — загипнотизированный принимает характерную позу, необходимую для выполнения этого действия, и производит руками такие движения, как будто он держит весла и гребет. По внушению гипнотизирующего глубоко загипнотизированный переживает самые разнообразные слуховые, зрительные, обонятельные и вкусовые ощущения. Гипнотизер внушает: «Вы чувствуете запах розы!», «Вы кушаете яблоко!», «Вы гуляете в сосновом лесу!» и т. п. И в восприятии загипнотизированного совершенно реально возникают все связанные с этим ощущения.

Слово гипнотизирующего обладает настолько неодолимой силой воздействия, что способно извратить реакцию загипнотизированного на непосредственный раздражитель. Так, например, прикладывая к руке загипнотизированного лед, можно вызвать у него обратное ощущение — тепла, если соответственно внушать: «Вы чувствуете тепло на вашей руке. Я ставлю на нее стакан с горячей водой. Вам горячо».

Еще одним удивительным свойством является способность глубоко загипнотизированного к так называемой внушенной амнезии, то есть забыванию всего происходящего с ним во время гипноза. Это достигается специальным внушением.

Все вышеперечисленные особенности гипнотического состояния ныне находят свое использование в практике применения гипноза в лечебных целях.

«Чудеса» гипноза и внушения не сразу дались в руки науке. Прежде чем дать им правильное объяснение, науке пришлось проделать длинный, извилистый и трудный путь.

Отрывочные письменные свидетельства о знакомстве человека с явлениями, которые наука позже назвала гипнотическими, уходят в седую глубь веков. Имеются указания, что они были известны во времена древней Индии и жрецам древнего Египта.

В индийском эпосе «Махабхарате» («Сказание о великой битве бхаратов»), относящемся к X—VIII векам до нашей эры, имеется следующий пример вызывания гипнотического состояния. Желающий вызвать его у другого человека садится напротив него и, пристально уставясь взглядом в его глаза, старается внушить ему какое-нибудь опре-

деленное желание или мысль. Там же в четвертой песне «Махабхараты» имеется упоминание о «санмохан-астре» — особом оружии, которое поражает врагов, погружая их в сонное оцепенение.

В собраниях религиозных гимнов древней Индии («Ведах»), созданных в эпоху разложения родового строя и становления жреческой касты брахманов, содержатся первые указания на формирование мистического мировоззрения, известного в дальнейшем под названием системы иогов. Система иогов базировалась на психических представлениях и эмоциональных состояниях, возникающих у лиц, приведших себя путем определенных физических приемов (упражнений) в состояние сосредоточения на своих внутренних ощущениях с полным отрешением от всего окружающего. Защитники системы иогов утверждают, что она является путем, позволяющим достигнуть состояния нирваны, то есть состояния отрешенности от земной жизни и мистического единения души иога с Вседушой — Брамой.

Основным условием, позволяющим достигнуть этого состояния, считалось умение контролировать свое дыхание, ибо дыхание отождествлялось с представлением о душе — о жизненной силе («прана»). У известного древнего коментатора «Вед» — Сушрута приводятся точные цифры величины выдоха при различных видах деятельности человека. Согласно этим описаниям, столб выдыхаемого воздуха при еде равен 20 пальцам, во сне — 16, при ходьбе — 24 и т. д. Идеалом, к которому должен стремиться иог, считалось умение превозмочь необходимость выдоха в течение по крайней мере часа. Овладение этим секретом открывает якобы путь к духовному совершенствованию. В то же время считалось, что это дает возможность продолжить свою жизнь.

Характерно, что уделяя столько внимания дыханию, трактаты о системе иогов совершенно не упоминают о легких и их деятельности. Слово «кломан» (по-санскритски—легкие) в этих текстах отсутствует. Пишется, что вдох распространяется от черепа до кончика ступней. Следовательно, дыхание понимается здесь не как физиологическая функция легких, а как синоним деятельности основного жизненного начала — души. Также полностью игнорировались функции мозга. Психические и эмоциональные функции связывались с сердцем. Сушрута пишет, что сердце подобно цветку лотоса: когда он распускается — человек бодрствует, когда закрывается — спит.

В тех же текстах приводятся описания упражнений по контролю над дыханием, своеобразные серии движений и поз, которые являются необходимыми подготовительными упражнениями для достижения умения погружаться в сон

иогов. Анализ особенностей сна иогов открывает в них много общего с гипнозом и связанными с ним явлениями.

В начале XVIII века странствующие индийские факиры стали демонстрировать явления сна иогов в Европе, поражая зрителей полной нечувствительностью к боли и вообще к любым внешним раздражениям, умением надолго оставаться без всяких видимых признаков жизни — дыхания и сердцебиения, как бы обмирать и затем вновь оживать.

Главными способами достижения такого состояния было пристальное сосредоточение взгляда факира на какой-либо точке, находящейся на небольшом расстоянии прямо впереди глаз или над переносицей, а также многотысячеразовое повторение мистических однообразных слов: бам, гам, зам, джам и т. п. После некоторого сосредоточения на таких приемах у странствующих факиров возникала полная бесчувственность к уколам, ожогам, порезам, наблюдалось снижение температуры тела, расслабление мышц и т. д.

Явления, характерные для так называемого сна иогов, несмотря на нарочитую мистичность приемов, применявшихся для его достижения, фактически достигались благодаря тому, что эти приемы были не чем иным, как условиями, способствующими возникновению гипнотического состояния.

Элементы гипноза и связанных с ним явлений содержались и в тех шарлатанских «сеансах чудес», которые давали периодически появлявшиеся при дворах королей и феодалов средневековья различные предсказатели и маги, провидцы и оракулы, колдуны и чародеи.

Первая попытка объяснить природу необычных явлений, впоследствии получивших название гипнотических, связана с именем венского врача второй половины XVIII века Франца Антона Месмера, создавшего «учение» о так называемом животном магнетизме.

Еще за несколько веков до Месмера средневековые схоласты уделяли большое внимание таинственной, на их взгляд, силе, которая властно притягивает кусок железа к магниту. Об этом писались напыщенные трактаты. Писали философы, богословы, врачи. С удивительным постоянством во всех их сочинениях при попытке дать объяснение явлениям магнетизма привлекались потусторонние, сверхъестественные силы. Время от времени представители религии обрушивались на магнетизм, но, отрицая «божественность» его происхождения, они отнюдь не стремились дать ему материалистическое объяснение. Отнимая его у бога, они отдавали его черту. От этой смены декораций взгляд на магнетизм не менялся, так или иначе в представлениях средневековья он был все тем же непостижимым, сверхъестественным.

В начале XVI века на магнетизме останавливается внимание Теофраста Бомбаста Парацельса. Этот немецкий врач

и естествоиспытатель, искавший новых экспериментальных путей движения науки вперед и остро высмеивавший рабское преклонение перед авторитетом древних, совершил в то же время немало заблуждений и ошибок в своей бурной деятельности. У него возникла мысль: не будет ли таинственная сила магнита вытягивать болезнь из тела пациента, подобно тому как магнит притягивает железо? И Парацельс начинает лечить магнитами. Он прикладывает их к грудным младенцам, задыхающимся от дифтерии, и к агонизирующим старикам с кровоизлиянием в мозг. Магниты не помогают. Но в обширной практике Парацельса встречались и такие случаи, когда наложение магнита прекращало корчи и судороги, возвращало дар речи онемевшим, поднимало на ноги парализованных. Такие случаи бывали с нервными субъектами, чаще всего с женщинами, у которых болезненные расстройства возникли в результате каких-либо волнений или потрясений.

В начале своей врачебной деятельности попробовал лечить магнитами и Франц Месмер. После нескольких удачных случаев он уверовал в их целебные свойства. Очевидно, что и у него удачные случаи относились всецело к нервным субъектам. Но однажды Месмер случайно заметил, что целебная сила заключена не столько в магнитах, сколько в нем самом: лечение оказалось успешным и тогда, когда он прикасался к телу пациента не магнитом, а лишь собственными руками. Вначале Месмер был озадачен, но затем решил, что целебная сила, подобная той, которая заключена в магните, может накопляться и в живых существах, в человеке.

Развивая эту мысль, Месмер высказал идею о том, что в некоторых людях эта «чудодейственная» сила, названная им «магнетическим флюидом», может накопляться в особенно большой концентрации. Несомненно, решил Месмер, наиболее богатым вместилищем флюида является он сам, он, дарящий исцеление своим пациентам одним лишь прикосновением своей руки. Фанатично убежденный в своей правоте, Месмер начинает творить «чудеса». Практика его растет. Отовсюду стекаются к нему больные. У него не хватает времени и рук прикоснуться ко всем жаждущим получить от него исцеление.

Тогда он приходит к такому заключению: «Магнетический флюид» — жидкость, а жидкость, как известно, обладает способностью перетекать из одного сосуда в другой. Следовательно, можно сделать так, что чудесная сила, заключенная в Месмере, сможет оказывать целительное воздействие на людей и без участия самого Месмера. Ведь, прикоснувшись руками к любому предмету, он может как бы перелить «магнетический флюид» в этот предмет, сделать

его вместилищем этой чудодейственной жидкости (намагнетизировать его), а больные будут черпать исцеление, прикасаясь к этому предмету. И вот Месмер таким способом магнетизирует специально сконструированные им баки, наполненные железными опилками, с тем чтобы, держась за выходящие из этих баков стержни, больные могли получать целебный флюид. В глазах больных «чудотворец» Месмер становится подобным богу.

Все большее и большее количество больных стекается со всех концов к магическим бакам Месмера. Кроме того, специально для бедных у ворот своего дома он намагнетизировал развесистое дерево. Больные предупреждены, что магнетическая сила распространяется от листьев, веток и ствола дерева на всю площадь, покрываемую его тенью. А под таким деревом, если хорошенько потесниться, может одновременно расположиться до сотни человек. Слава Месмера растет, соответственно растет и его богатство.

Но этого мало Месмеру. Он домогается признания у официальной науки. В 1774 году Месмер подает доклад на Парижский медицинский факультет, излагая свое учение о «животном магнетизме». Вначале официальная наука отвечает молчанием. Она видит, что ей не по пути с этим полуфантазером, полушарлатаном. Но Месмер пускает в ход все свои связи, и вот благодаря покровительству самой королевы Марии-Антуанетты факультет принуждают заняться «животным магнетизмом». Заключение факультета уничтожающее, особенно, если принять во внимание, что в состав комиссии входили такие известные ученые, как Франклин и Лавуазье. Вот дословное заключение: «После того, как члены комиссии признали, что флюид жизненного магнетизма не познается ни одним из наших чувств... после того, как они, с другой стороны, доказали, что воображение без магнетизма может вызвать судороги, а магнетизм без воображения ничего не в состоянии вызвать, они единогласно постановили, что ничто не доказывает существования магнетически-жизненного флюида, и что, таким образом, этот не поддающийся познанию флюид, бесполезен».

Правильно отвергнув существование «магнетического флюида», наука того времени не была в состоянии раскрыть того содержания, которое имелось в ею же самой написанном слове — «воображение». А ведь именно в нем, в этом слове, если вложить в него понятие внушение и самовнушение, могло быть найдено объяснение действительным фактам положительного лечебного воздействия на некоторые симптомы болезненных проявлений у истеричных почитательниц Месмера.

Много шума наделал Месмер по всей Европе своим «животным магнетизмом». И хотя в последние 30 лет своей жиз-

ни он был забыт — уж слишком уничтожающим было для его «учения» мнение комиссии, все же то тут, то там появлялись поклонники и последователи его взглядов. Под именем месмеристов, или магнетизеров, разъезжали они по разным странам и в публичных сеансах демонстрировали «чудеса животного магнетизма».

В Манчестере на сеанс такого странствующего месмериста Лафонтена (внука известного баснописца) пришел 13 ноября 1841 года английский хирург Джемс Брэд. Пришел со специальной целью разоблачить шарлатанские проделки месмериста. И тут имело место то, что впоследствии с удивительным постоянством повторялось и с другими представителями науки, которые обращали свое внимание на публичные сеансы гипноза в целях разоблачения шарлатанских проделок, на нем построенных. Многие из них приходили со специальной целью доказать, что никакого гипноза вообще нет и быть не может, что все это миф, балаганное знамя шарлатанов, подхваченное, как ветром, легкомысленной верой падких до всего сенсационного невежественных людей. Но они уходили с этих сеансов с двойным чувством. Конечно, они не ошиблись — все эти месмеристы и магнетизеры по своей сути шарлатаны, но вместе с тем в их руках находится какое-то удивительное и еще не познанное явление природы, идущее вразрез с установившимися общепринятыми представлениями о природе человека и формах его поведения. К таким выводам пришел 39 лет спустя после Брэда знаменитый немецкий физиолог Гейдангайн, когда он явился на публичное выступление гипнотизера Ганзена.

Мысль о том, что в этих манипуляциях отнюдь не все может быть отнесено к шарлатанству и фокусничеству, что здесь есть что-то рациональное, но не познанное еще наукой, заставила Брэда самого заняться экспериментированием в этом направлении. Результатом его опытов и наблюдений явилась вышедшая два года спустя книга, озаглавленная «Нейрогипнология или трактат о нервном сне, рассматриваемом в его отношениях к животному магнетизму со включением всех многочисленных успехов в применении его к лечению болезней». Это заглавие говорит о многом, почти обо всем том положительном, чего удалось достигнуть автору книги.

Начнем со слов, характеризующих природу этого доселе загадочного состояния. Брэд впервые называет данное состояние «гипнозом». Это слово взято им из древнегреческого языка и обозначает в переводе — сон, что свидетельствует о большой наблюдательности Брэда и об эмпирическом приближении к существу изучаемого явления. Гипноз — сон, точнее, как сказано у автора, — нервный сон. И, как

мы впоследствии увидим, такое сближение явлений сна и гипноза будет той столбовой дорогой, на которой эта проблема найдет свое разрешение.

Но мало того, что Брэд с самого начала стал на правильную в принципе точку зрения по вопросу о природе гипноза, он начинает использовать его для лечения больных. Именно с Брэда начинается научный период подхода к изучению гипноза и связанных с ним явлений и попыток найти наиболее рациональные возможности к использованию его в лечебных целях.

Брэд стал применять гипноз для обезболивания при проведении хирургических операций. Нельзя забывать того факта, что первое применение эфирного и хлороформенного наркозов было проведено лишь в 1846—1847 годах. Следовательно, предпринятые Брэдом поиски в этом направлении имели весьма серьезное практическое значение.

Конечно, далеко не все в высказываниях и взглядах Брэда отличалось последовательностью. Были у него воззрения и очень близкие к мистическим домыслам месмеристов. Так, например, Брэд полагал, что загипнотизированные приобретают якобы особую способность читать запечатанные письма и отгадывать мысли.

В дальнейшем центр изучения гипноза перемещается во Францию. Именно там оформились те две точки зрения на гипноз, которые получили известность под названиями парижская, или сальпетриерская школа Шарко и нансийская школа Бернгейма. В крупнейшей психиатрической больнице Парижа, в Сальпетриере, работал широко известный авторитет в вопросах невропатологии — Шарко и именно он положил начало системе взглядов, вошедших в историю как точка зрения парижской школы. В небольшом городке Нанси работал невропатолог и психиатр Бернгейм. Опираясь на практические результаты, полученные жителем Нанси доктором Льебо за годы долголетнего использования им гипноза в лечебных целях, Бернгейм разработал теорию нансийской школы. Обе эти школы находились в состоянии горячей дискуссии между собой — каждая оспаривала и отвергала воззрения другой. В конечном итоге обе они стояли на неправильных позициях по вопросу о природе гипноза.

Что же утверждал Шарко и его последователи? Шарко все свои эксперименты по изучению гипноза проводил на больных, страдающих истерией, и пришел к совершенно ложному выводу о том, что гипноз якобы есть не что иное, как искусственно вызванный истерический припадок. Отсюда и происходил взгляд Шарко на гипноз как на состояние, вредное для организма и ослабляющее нервную систему. Это ошибочное мнение, принимая во внимание авторитет Шарко в науке того времени, не могло не оказать отрицательного

влияния на развитие науки о гипнозе и связанных с ним явлениях и на практическое их использование. Произошло известное замораживание изучения проблемы, а энтузиасты-врачи, стремившиеся применять гипноз при лечении отдельных заболеваний, испытывали на себе определенное корпорационное и административное давление, препятствовавшее такого рода деятельности.

Изучая гипноз, Шарко вызывал это состояние у больных, используя сильные раздражители, например: внезапную вспышку яркого света в затемненном помещении, неожиданный сильный удар гонга и тому подобные агенты. Прямое словесное внушение при этих экспериментах совершенно не применялось. Шарко не принимал во внимание несомненную роль внушающего фактора, который имел здесь место, вследствие того, что все эксперименты проводились на людях, находившихся в одной клинике. Естественно, что они обменивались друг с другом впечатлениями по поводу испытываемых ими ощущений во время сеансов гипнотизации, а также сообщали друг другу об обстановке и условиях проведения экспериментов. Это, безусловно, не могло не оказывать большого внушающего воздействия, особенно если учесть повышенную внушаемость больных истерией, а именно на них-то и проводил Шарко свои исследования. Все эти условия и привели к тому искусственному положению, что картина вызывавшегося Шарко гипнотического состояния с удивительным постоянством у всех 13 испытуемых напоминала выраженный истерический припадок, что и привело самого экспериментатора к неправильному взгляду на природу гипнотического состояния.

Эти явно уязвимые положения Шарко и сделались в первую очередь предметом критики со стороны нансийской школы. Но, подвергая справедливому порицанию методически неправильно построенные Шарко эксперименты, Бернгейм в свою очередь впал в заблуждение и, употребляя известное выражение, выплеснул из ванны вместе с водой и ребенка. Он вообще отбросил возможность существования гипнотического состояния и выдвинул свое, ставшее крылатым, положение: «Гипноза нет — есть только внушение». Все наблюдавшиеся во время гипноза явления Бернгейм и его последователи сводили к внушению. Они понимали возникновение гипнотического состояния исключительно как результат того, что гипнотизируемый поддается внушающему влиянию гипнотизера, не обнаруживая при этом критики к получаемому внушению. Таким образом, смешивая в одно целое понятия гипноза и внушения, нансийская школа пришла к прямому отрицанию существования гипноза, как определенного самостоятельного состояния. В действительности же, хотя у человека роль словесного внушения в явле-

виях гипноза велика, доказательством чему служит тот факт, что одним из наиболее употребительных способов вызывания гипнотического состояния является словесное внушение, тем не менее не подлежит сомнению факт совершенно самостоятельного существования гипноза.

Интересно отметить, что, в то время как представители нансийской школы еще окончательно не сформировали своих взглядов, в докладе профессора физиологии Харьковского университета В. Я. Данилевского «О единстве гипнотизма у человека и животных» содержалось уже подлинно научное, экспериментально обоснованное опровержение их ошибочных положений. Проводя свои исследования на самых различных животных (лягушки, раки, крабы, рыбы, тритоны, змеи, ящерицы, черепахи, некоторые птицы и млекопитающие и даже крокодилы), Данилевский показал, что такие специфические, как раньше думали, особенности гипноза человека, как каталепсия — восковая гибкость суставов и мышц, и анестезия — отсутствие чувствительности, присущи и гипнотическому состоянию животных.

Явления гипноза у животных впервые были описаны Афанасием Кирхером в 1646 году под названием «чудесный опыт». Опыт состоял в следующем: курицу клали боком на стол и удерживали в этом положении до тех пор, пока она не успокоится; затем проводили мелом черту перед головой, и курица спокойно оставалась лежать в этой неестественной позе даже после того, как ее переставали удерживать. Кирхер считал, что курица принимает проведенную мелом черту за привязывающую ее веревку (рис. 13).

Рис. 13. «Чудесный опыт» Кирхера — курица в гипнозе.

Впоследствии научной разработкой этого явления занялись чешский физиолог И. Н. Чермак, немецкий физиолог В. Прейер и другие.

Установление единства природы гипнотических явлений

у человека и животных является большой заслугой Данилевского. Сводные результаты своих исследований он привел в книге «Гипнотизм». Исследования В. Я. Данилевского показали, что если осторожно, не причиняя боли, взять животное и придать его телу какое-нибудь неестественное положение, например положить на спину, и удерживать, пока не прекратится сопротивление, то затем животное, уже без всякого удерживания, продолжает сохранять эту позу в течение многих минут, а иногда и нескольких часов (рис. 14).

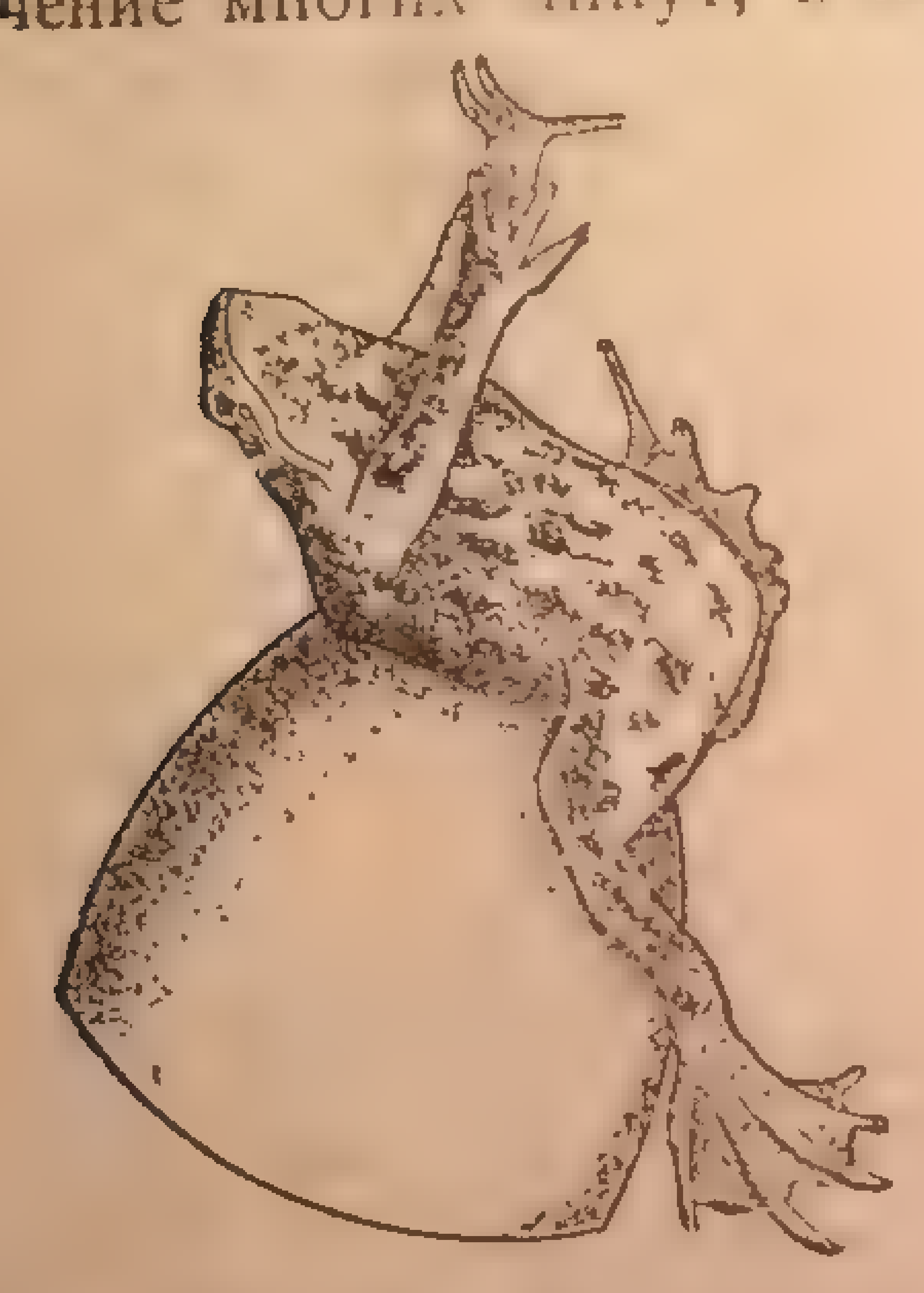

Рис. 14. Лягушка в гипнозе.

В таком состоянии угнетения движений животному можно придать любую неестественную позу, и оно также не окажет никакого сопротивления. У загипнотизированного животного отмечается резкое снижение чувствительности кожи и слизистых оболочек; животное не реагирует даже на болевые раздражения. Данилевский установил, что чем чаще производить гипнотизацию животных, тем скорее и легче можно вызвать у них состояние гипноза.

Опыты Данилевского показали, что явления, наблюдаемые в гипнозе у человека, встречаются также и у загипнотизированных животных. Это позволило высказать мысль о единстве гипноза у человека и животных. Поскольку не подлежит сомнению, что способность к восприятию внушения является лишь специфически человеческой способностью, так как для этого необходимо полностью отсутствующее у животных понимание слов, человеческой речи, полученные Данилевским доказательства единой природы гипнотических явлений человека и животных одновременно с несомненностью свидетельствовали о самостоятельной природе гипноза, вне зависимости его от внушения.

Выступая на IV съезде русских врачей в Москве (1891 г.), Данилевский показал себя одним из видных представителей того передового направления в русском естествознании и медицине, основоположником которого явился И. С. Сеченов и которое нашло свое дальнейшее развитие в учении С. П. Боткина и И. П. Павлова о нервизме. Касаясь в этом докладе вопроса о положительном лечебном влиянии внушения в гипнозе на скорость заживления ожогов, Данилевский говорил: «Указанные гипнотические воздействия на вегетативную сферу до известной степени объясняются подобным же влиянием раздражения корки большого мозга на

кровообращение, отделения, гладкую мускулатуру и т. д.». В этих словах уже звучал такой подход к изучению гипноза, который в дальнейшем в трудах И. П. Павлова и его последователей привел к созданию подлинно научной, экспериментально обоснованной теории гипноза и связанных с ним явлений.

На этом же съезде с докладом «Терапевтическое применение гипнотизма» выступил ученик и последователь основоположника московской психиатрической школы С. С. Корсакова — А. А. Токарский. Этот доклад, как и всю деятельность Токарского, следует рассматривать как зарождение подлинно научных материалистических тенденций в практике отечественной психотерапии.

Деятельность Токарского развертывалась в такое время, когда во взглядах на гипноз господствовали во многом ложные воззрения школы Шарко. Это привело к тому, что административные круги медицины путем всякого рода циркуляров и постановлений стремились воспрепятствовать, а порой и совершенно запретить применение гипноза в лечебных целях.

С воинствующей страстностью боролся Токарский за то, чтобы гипнотерапия получила равные права с другими методами лечения и заняла достойное место в медицине, как метод, который может оказать существенную помощь при самых разнообразных заболеваниях. В своем докладе он говорил: «...смешно было бы думать, что гипнотизм вырос где-то сбоку, за дверьми храма науки, что это подкидыш, воспитанный невеждами. Можно только сказать, что невежды его достаточно понянчили и захватали своими руками».

В противоположность Шарко, с ошибочной точкой зрения которого Токарский решительно боролся, он горячо отстаивал целебные свойства гипнотического сна. Опровержению взглядов Шарко он посвятил одну из своих лучших работ: «К вопросу о вредном влиянии гипнотизирования». Он писал, что «необходимость влияния на нервную систему встречается на каждом шагу, независимо от болезни». Токарский был убежден, что гипноз и внушение весьма благотворно действуют на нервную систему, способствуя ее укреплению и успокоению, и поэтому считал необходимым расширить границы применения гипнотерапии.

Токарский много сделал для внедрения психотерапии в широкие медицинские круги врачей-практиков, для чего он первым в России начал чтение на медицинском факультете Московского университета курса гипнотерапии и медицинской психологии.

Особенно велика роль в развитии науки о гипнозе, внушении и связанных с ними явлений выдающегося отечественного психоневролога академика В. М. Бехтерева. Он

проявлял очень большой интерес к этим вопросам почти на протяжении всего своего творческого пути. В оставленном им огромном литературном наследстве большое количество работ посвящено гипнозу и внушению. В руководимых Бехтеревым научных лабораториях и институтах проводилась непосредственно им самим, а также его сотрудниками углубленная научно-исследовательская работа, затрагивавшая вопросы теории и практики гипноза и внушения. Разрабатывались новые приемы, направленные на усиление лечебного воздействия слова при различных заболеваниях.

В специально созданном им антиалкогольном институте широкое применение в лечении алкоголиков нашла получившая затем всеобщее признание его методика коллективной гипнотерапии наркоманов (рис. 15).

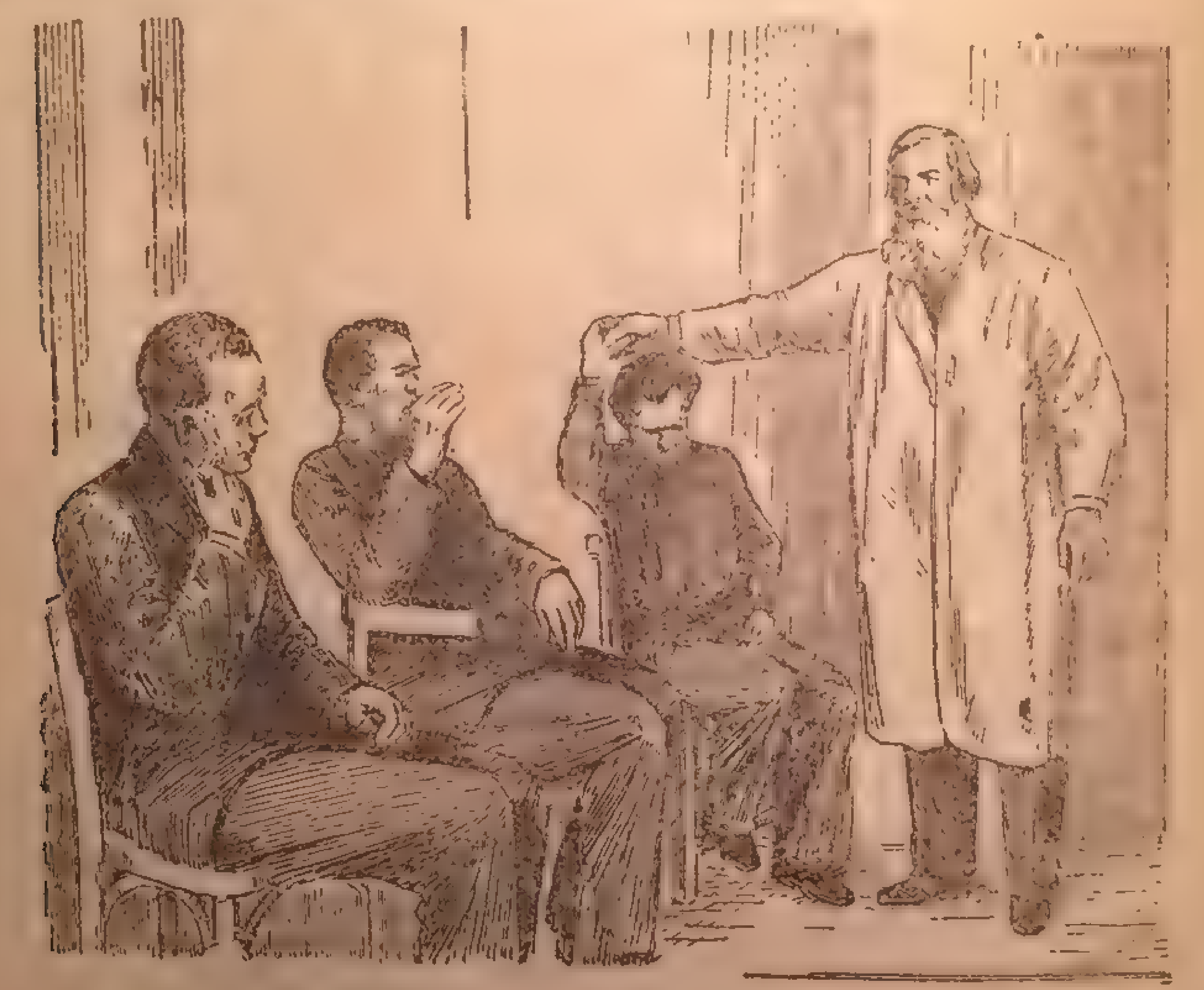

Рис. 15. Сеанс лечебного гипноза алкоголикам, проводимый академиком В. М. Бехтеревым.

Особенно следует подчеркнуть ту огромную роль, которую сыграл Бехтерев в популяризации гипноза и внушения и в борьбе со всевозможными связанными с ним предрассудками и суевериями. Им было прочитано большое число публичных лекций для самой широкой аудитории и написано очень много научно-популярных брошюр и статей, в которых знаменитый ученый с присущей ему страстностью отстаивал материальную природу гипнотических явлений.

Его книги имели огромное атеистическое значение, ибо

[по]казали глубокий научный анализ обстановки, в которой совершали свои «чудодеяния» люди, снискавшие славу «святых», «чудотворцев», «избранников божьих» и т. д. Он нанес весьма ощутительный удар по религиозным предрассудкам, показав, что в вопросе о «чудесных исцелениях» религия опирается на практически используемые ею явления внушения, самовнушения и гипноза.

В период реакции после подавления первой русской революции запуганное царское правительство и правящие классы с особенным усердием поощряли любые формы затемнения сознания народа — религиозные «чудеса», мистическое мракобесие, низкопробные измышления реакционеров всех мастей. В эти годы книжный рынок захлестнула мутная волна различных шарлатанских брошюр, в которых проповедовались давно уже отвергнутые наукой представления о существовании внутри человека каких-то таинственных сил (вроде «магнетического флюида»). Некоторые авторы давали заманчивые обещания научить читателя самому развивать в себе подобные «чудоспособности», чтобы с их помощью достичь успехов в жизни, заставить других полюбить себя, разбогатеть и т. д.

В этих условиях Бехтерев неутомимо пропагандировал строго научный взгляд на гипноз, подчеркивая насущную необходимость особенно широкой просветительной работы в этой области.

Бехтерев развил взгляд на гипноз как на своеобразное видоизменение нормального сна. Главное отличие гипноза от естественного сна, по Бехтереву, состоит в том, что гипноз вызывается искусственно усыпляющими приемами гипнотизера. Из них важнейшим Бехтерев считал словесное внушение. Но в то же время он придавал серьезное значение однообразным слабым физическим раздражителям как факторам, которые способны сами по себе, без всякого внушения, вызвать гипнотический сон.

Большое внимание уделял Бехтерев выявлению лечебных возможностей внушения в гипнозе и внушения в бодрственном состоянии. Он подверг критике многочисленные определения внушения, данные до него различными авторами, и сформулировал собственное понимание этого вопроса.

Однако полного проникновения в природу гипноза и внушения, выяснения физиологических механизмов этих явлений Бехтереву достигнуть не удалось. Выяснение сущности этих явлений, тесно связанных с психической деятельностью мозга, не могло произойти раньше, чем были установлены основные закономерности этой деятельности.

Но к началу нашего века психология, то есть именно та наука, специальной задачей которой является установление

законов психики, все еще оставалась беспомощной в этом вопросе. Одной из главных причин этого было то, что среди психологов господствовал в корне неверный взгляд на психику, рассматривавший деятельность души вне зависимости от деятельности организма. В этом идеалистическом представлении о психике сказалось давление древнего религиозного представления о независимости души от тела, о ее подвластности одним лишь «высшим силам».

В ту пору в психологии общепринятым методом познания психических явлений был так называемый субъективный метод. Согласно его требованиям, единственным способом изучения мыслей, чувств, желаний и поступков человека является регистрация их в том виде, в каком они предстают сознанию исследователя при самонаблюдении и в сопоставлении полученных данных с поведением других людей. Естественно, что этот метод, с одной стороны, был очень неточен, ибо не мог не отражать личного, пристрастного отношения исследователя к наблюдаемым фактам, а с другой — по самой своей описательной природе этот метод не давал возможности выявить внутренних, интимных процессов, происходящих в мозгу и составляющих основу психики человека.

Объективный экспериментальный метод изучения сложнейшей работы высших отделов головного мозга, позволивший глубоко, точно и беспристрастно исследовать процессы, лежащие в основе психических явлений, был разработан великим физиологом И. П. Павловым. С помощью этого метода им были впервые установлены основные закономерности психической деятельности, что открыло путь к пониманию и таких ее своеобразных проявлений, как гипноз и внушение.

Основы учения И. П. Павлова о высшей нервной деятельности

Начало исследований И. П. Павлова в области деятельности большого мозга относится к 1901 году. К этому времени Павлов был уже известным ученым, работы которого получили признание не только в России, но и за границей. Особенно блестящие результаты были получены Павловым и его сотрудниками при изучении пищеварения. В ходе этих опытов Павлов встретился с явлением «психического слюноотделения», необъяснимым тогда с физиологических позиций, и, круто переменив фронт своих исследований, всецело перешел к изучению психических процессов.

Сам по себе факт психического слюноотделения, который вызвал столь решающий поворот в научных изысканиях Павлова, на первый взгляд казалось был мал и незначите-

лен. Заключался он в следующем: у собак, на которых изучалась работа слюнной железы, слюна выделялась не только при попадании пищи в рот, но и тогда, когда собака видела эту пищу издали или даже просто слышала шум шагов служителя, обычно приносившего ей еду.

Выделение слюны при попадании пищи в рот легко и просто объяснялось с позиций уже около 300 лет назад утвердившегося в физиологии понятия *рефлекса*, введенного французским ученым Рене Декартом. Рефлексом называлась реакция организма на воздействие извне, совершающаяся при непременном участии нервной системы.

Сложная механика рефлексов пронизывает тысячи проявлений нашей повседневной жизни: мигание век при попадании песчинки в глаз, отдергивание руки, прикоснувшейся к раскаленному утюгу, и многие другие непроизвольные действия. Все это не что иное как рефлексы.

Эти рефлексы — *врожденные*, их легко можно наблюдать у только что родившихся детей. Те рефлексы, примеры которых мы только что привели, служат для защиты организма от вредных воздействий, поэтому их называют оборонительными. Но есть и другие врожденные рефлексы, например пищевые. Один из них — изливание слюны на попадающую в рот пищу. В павловских лабораториях был подробно изучен нервный путь этого рефлекса и точно выяснено, какими раздражителями пускается он в ход.

Как и все другие врожденные рефлексы, слюноотделительный рефлекс отличается закономерным постоянством: всякий раз при попадании пищи в рот выделяется слюна, и притом именно такого количества и качества, которые нужны для обработки данной пищи. Следовательно, здесь *свойства самой пищи* вызывают точно соответствующую им работу пищеварительных желез, настраивают определенным образом слюнную железу.

Но как может физиолог объяснить факт, что слюна выделяется и при одном лишь взгляде на привычную пищу, на кормушку, в которой ее приносят, и даже при звуке шагов служителя, который обычно кормит собаку? Каким образом, эти, казалось бы, для пищеварения совершенно *посторонние*, или, как говорил о них Павлов, *неидущие к делу раздражители*, оказывают на работу слюнных желез такое же действие, как и сама пища?

Факт этот, непонятный с точки зрения физиологии того времени, казался совершенно ясным и само собой разумеющимся с точки зрения психологии. Собака хочет есть, видит пищу или слышит, что идет человек, который всегда эту пищу приносит; понимает, что желанный момент еды приближается, и у нее заранее выделяется слюна. Вполне разумно поступает собака! У людей ведь тоже так: когда мы голод-

ны и слышим обеденные приготовления, у нас в предвкушении еды «слюнки текут». Вот эта-то разумность факта, что собака выделяет слюну и на посторонние раздражители, а также кажущаяся на первый взгляд необъяснимость его в рамках понятия о рефлексе, и заставили вначале самого Павлова и его сотрудников назвать это явление психическим слюноотделением, тем самым отнеся его к разделу психологии.

Павлов и его сотрудники пытались сами временно превратиться в психологов и наудачу стали делать предположения о тайных помыслах и чувствах подопытных собак. Основанием для предположений служило, как и следовало, согласно господствовавшему в то время в психологии субъективному методу, сопоставление поведения собак с тем, как поступил бы человек в подобном случае.

Однако после долгих и мучительных сомнений, убедившись в полной научной бесплодности временно увлекшего его пути субъективно-психологических толкований, Павлов решил вернуться на привычные ему как физиологу рельсы строго экспериментального исследования. Позднее Павлов писал об этом: «После настойчивого обдумывания предмета, после нелегкой умственной борьбы я решил, наконец, и перед так называемым психическим возбуждением остаться в роли чистого физиолога, т. е. объективного внешнего наблюдателя и экспериментатора, имеющего дело исключительно с внешними явлениями и их отношениями»[1].

Решение Павлова остаться на позициях строго объективного метода и при встрече с явлениями психики логически вытекало из всей его предшествующей творческой жизни великого мастера точного эксперимента, открывателя новых средств проникновения в тайны глубоко скрытых в организме процессов, физиолога, что называется, до мозга костей.

Мировоззрение Павлова, его «манера думания» сформировались под воздействием русской революционной демократической литературы 60-х годов, из которой наиболее глубокое впечатление на него оказали произведения Д. И. Писарева. Как близки должны были ему стать тогда, когда он мучился в поисках путей познания психики животных, мысли Писарева, образно прозвучавшие в его статье «Прогресс в мире животных и растений». Писарев писал: «*Ум, чувство, инстинкт, талант, гений, темперамент, характер* и разные другие выражения, относящиеся к психической жизни животных организмов — все это очень опасные и неудобные слова. Они заслоняют собой живые факты, и никто не знает наверное, что именно под ними скрывается, хотя каждый

---

[1] И. П. Павлов. Полное собрание сочинений, т. III, ч. I, стр 14. Изд. АН СССР, М. — Л, 1951.

ежеминутно произносит эти слова и при этом всегда старается этими непонятными словами что-то такое выразить и что-то такое объяснить. Вопрос об умственных способностях всех животных, стоящих ниже человека, совершенно затемнен разными непонятными словами, которые приносят особенно много вреда, потому что все к ним прислушались и привыкли и все воображают, будто в этих знакомых словах заключается очень определенный смысл.

Вам ежеминутно случается слышать, что собака любит хозяина по инстинкту, кошка преследует мышей по инстинкту, ласточка вьет гнездо по инстинкту, пчела устраивает восковую ячейку по инстинкту. Куда как это хорошо и удобно! Все по инстинкту! А что такое инстинкт — это всякий понимает; это вот — когда собака любит хозяина, кошка преследует мышей, ласточка и т. д.; вот это и есть инстинкт. Поняли вы теперь, почему собака любит хозяина, почему кошка и т. д.? Ну, как же не понять?

Вы знаете Петра? — Нет не знаю.— Да, это тот, что женат на Авдотье. — Да я и Авдотью не знаю. — Ах, Боже мой, да это та, что замужем за Петром. — А! Ну, теперь знаю и Петра и Авдотью! Давно бы вы мне так объяснили. Благодарю вас покорно за то, что научили меня уму-разуму!

Мы почти всегда рассуждаем таким образом, то есть неизвестного Петра объясняем неизвестной Авдотьей, а потом, когда прислушаемся во время объяснительного разговора к обоим неизвестным именам, то начинаем считать их известными и вопрос оказывается решенным»[1].

Призыв Писарева всегда и всюду искать подлинные причины психических явлений, ни в коем случае не успокаиваться на ничего не значащих чисто словесных объяснениях, только скрывающих незнание и тем тормозящих настоящее исследование, был ведущим мотивом творчества Павлова.

В поисках ключа к тайнам мозга, к этой запретной обители «бессмертной души», Павлов пошел по пути, открытому отцом русской физиологии И. М. Сеченовым, книга которого «Рефлексы головного мозга» (1863 г.) еще в молодости оказала глубокое влияние на образ мышления будущего естествоиспытателя. Это была первая в истории попытка показать, что явления психики человека — его мысли, чувства, поступки, желания лишь кажутся произвольными, независимыми от внешних воздействий, в действительности же они всегда имеют внешнюю побудительную причину. Правда, часто ее не сразу можно установить: воздействие могло быть оказано давно и сохранялось в мозгу лишь в виде скрытого, почти нацело исчезнувшего из памяти впечат-

---

[1] Д. И. Писарев. Прогресс в мире животных и растений. Соч., т. 3, стр. 415—416. СПБ. 1904.

ления, но случилось еще что-то, и это новое событие плюс след от старого вызвали совершенно неожиданный (если не учесть этого старого следа) ответ.

Привлекая для доказательства своих выводов все известные к тому времени физиологические данные, имеющие отношение к развиваемому им вопросу, Сеченов стройными логическими доводами убеждал читателя, что всякое действие человека, сознательное или бессознательное, возникает как ответ на внешнее воздействие, то есть является по способу своего происхождения рефлексом.

С убедительной простотой и ясностью Сеченов доказал в этой книге, что: 1) деятельность так называемой души или психика не есть проявление некоей бесплотной невещественной сущности, а представляет собой продукт работы сугубо материальной субстанции — мозга, 2) что эта душевная деятельность отнюдь не является абсолютно свободной в своих проявлениях, а тесно связана с физиологическими закономерностями работы высших отделов мозга, 3) что психическая деятельность мозга, подобно деятельности всех других органов человеческого тела, не только не является оторванной и независимой от внешнего мира, но всецело обусловлена его взаимодействиями, и без них вообще становится невозможной [1].

Сеченов считал, что изучение особенностей высших форм рефлекторной деятельности даст возможность понять работу больших полушарий мозга при осуществлении как непроизвольных, так и произвольных проявлений.

Свет гениального предвидения Сеченова освещал Павлову его путь в глубины мозга.

Избранный Павловым путь строго объективного изучения психики был в корне противоположен принятому доселе в этой области методу субъективному.

При субъективном методе личное отношение исследователя к явлениям, которые он изучает, его собственное, произвольное мнение о них служит исходной, опорной точкой для дальнейших заключений. Естественно, что говорить о какой-либо научной точности при этом совершенно невозможно.

В противовес этому, объективное исследование требует прежде всего беспристрастности в подходе к изучаемым явлениям, полностью исключает предвзятое отношение к наблюдаемым фактам, стремится к возможно большей точно-

---

[1] Эти мысли Сеченова были встречены взрывом негодования со стороны служителей религии, царских чиновников и психологов-идеалистов. Царская цензура начала против него судебное следствие. По поводу книги цензор писал: «Эта материалистическая книга, отвергая свободную волю и бессмертие души, не согласна с христианством». Митрополит Петербургский и Ладожский требовал ссылки Сеченова в Соловецкий монастырь.

сти при их регистрации. Лишь на основе сопоставления полученных этим путем точных, доступных проверке данных, делаются выводы и заключения, выводятся закономерности изучаемых процессов.

Этим требованиям объективности в физиологии отвечал метод исследования процессов, протекающих в организме, путем точной регистрации реакций, развивающихся в ответ на внешнее раздражение. То есть здесь исходной, опорной точкой для суждения о внутренних процессах служат их внешние проявления в виде ответов организма на воздействия внешнего мира.

С неумолимой последовательностью естествоиспытателя-материалиста Павлов решил распространить объективный метод изучения жизнедеятельности организма и на самую сложную ее форму — деятельность высших отделов мозга — психику.

Как и Сеченов, Павлов не только смело отказался от извечного деления организма на «бессмертную душу» и тленное тело (из чего вытекало и положение о различии в способах познания той и другого), но, исходя из их единства, пришел к признанию необходимости изучения всех форм деятельности организма, в том числе и психической, единым научным методом.

Однако Павлов пошел значительно дальше своего учителя. Если Сеченову принадлежала пусть гениальная, но все же лишь чисто теоретическая идея о том, что объяснения психическим явлениям следует искать в понятии рефлекса, закономерности же, лежащие в основе этих явлений, им не были, да и не могли быть найдены, ибо в его руках еще не было истинного экспериментального метода их изучения, то Павлов нашел этот метод. Он то и послужил ему ключом к самым сокровенным, запретным тайнам «души». С его помощью Павлов установил основные законы высшей нервной (психической) деятельности.

Сойдя с шаблонных позиций тщетных словесных рассуждений об особенностях психики животных, которые были по сути дела лишь «объяснениями неизвестного Петра неизвестной Авдотьей», Павлов направил все усилия на точный экспериментальный анализ условий, вызывающих психическое слюноотделение.

Задача эта оказалась весьма нелегкой. Психические явления не случайно тысячелетиями ускользали от точного научного анализа. Неправильный исходный взгляд на них (выразившийся в представлении о «бессмертной душе»), впоследствии умышленно охранявшийся усилиями религии и эксплуататорского государства, был лишь одной из серьезных помех. Другой не менее важной причиной непознанности законов психики была чрезвычайная сложность этих яв-

лений, их видимая капризность, изменчивость и прихотливость.

Явление психического слюноотделения у павловских собак не составляло исключения. Оно также в первое время ставило в тупик экспериментаторов своим непостоянством. Оно то появлялось, то исчезало. Только что начинало казаться повторяющимся из опыта в опыт и вдруг совершенно непредвиденно пропадало. И все вновь приходилось проделывать с самого начала.

Страстная настойчивость Павлова в преследовании научной цели и горячая приверженность его сотрудников делу помогли преодолеть все затруднения. Наконец, настал день, когда Павлов мог торжественно объявить, что опытами доктора Толочинова выяснено первое основное условие, вызывающее реакцию психического слюноотделения.

Для появления этой реакции оказалось необходимым, прежде всего, повторное совпадение во времени действия посторонних по отношению к пищеварению раздражителей (например, вид кормушки, шум шагов служителя, свет лампочки и т. д.) с последующим кормлением собаки. Только после нескольких сочетаний эти доселе несущественные для работы слюнной железы раздражители начинают сами побуждать ее к деятельности — гонят слюну еще до того, как еда попала животному в рот. Если же показать собаке кормушку, в которой ей еще ни разу не приносили пищу, или если за дверью раздастся шум шагов человека, который раньше никогда эту собаку не кормил, эти раздражения не окажут действия на слюнную железу — слюна не потечет.

Новые опыты показали, что при соблюдении этого правила самые разнообразные раздражители внешнего мира, которые могут быть восприняты органами чувств (глазом, ухом и т. д.) — свет лампочки, стук метронома, запах нашатырного спирта, вид вращающегося круга, шум трещотки, холод от сосуда со льдом, приложенного к коже собаки и т. д.,— могут быть приведены в связь с работой слюнной железы и в дальнейшем оказывать на нее слюногонное действие совершенно так же, как это делает обычно приятная или неприятная собаке пища.

Итак, первая же попытка объективного изучения психического явления с внешней его стороны позволила выяснить закономерность, которой оно подчиняется. Это было блестящей победой объективного метода, убедительным доказательством его плодотворности при изучении психики.

Отсюда можно было сделать и дальнейший шаг — заключить, что представляет собой эта реакция и какие внутренние процессы лежат в основе ее возникновения.

Павлов пришел к выводу, что реакция психического слю-

ноотделения представляет собой не что иное, как рефлекс. Но только рефлекс особого рода, а именно — рефлекс условный. Главным условием его образования является время — совпадение во времени возбужденного состояния одного нервного центра коры больших полушарий (например, зрительного) с возбуждением другого (например, пищевого). Поэтому Павлов называл условные рефлексы также временными связями, подразумевая под этим связь, в основе образования которой лежит время.

Время — главное условие образования и всех других видов условных рефлексов — двигательных, сосудистых и т. д.

Так, если несколько раз сочетать включение лампочки с последующим прикладыванием колбы с теплой водой к руке человека (в ответ на что кровеносные сосуды руки расширяются), то вскоре одно лишь включение лампочки само по себе будет вызывать у этого человека расширение кожных сосудов и ощущение тепла на той руке, к которой в предыдущих исследованиях прикладывали теплую колбу. Свет лампочки приобрел здесь значение сигнала, предвещающего тепло. Это пример выработки сосудистого условного рефлекса у человека.

Упоминая о простых, или, как их теперь называют, безусловных рефлексах, мы в начале этой главы говорили, что ими пронизано множество проявлений нашей жизни. С еще большим основанием это относится к рефлексам условным. Многие наши обычные движения — манера сидеть за столом, держать нож и вилку; привычки, например, входя вечером в свою комнату, совершенно машинально подносить руку к выключателю и зажигать свет; уменья, например езда на велосипеде, плавание, гребля; трудовые навыки — возможность ловко владеть рубанком, молотком, напильником и т. д. — все это не что иное, как выработавшиеся у нас в процессе жизненного и трудового опыта цепи условных рефлексов — временных связей.

Но если время одно из главных условий в деле проторения новых нервных путей, то этого нельзя сказать об их закрытии. Нередко время оказывается в этом бессильным, во всяком случае не ему принадлежит решающая роль.

Так, многие условные рефлексы, однажды выработанные и упроченные у собаки и затем долгое время не практиковавшиеся в опытах, часто через несколько лет вдруг при первой же пробе оказывались действенными — проявляли себя. Эти экспериментальные данные говорят о глубокой запечатлеваемости следов раздражений, воспринятых нервными клетками коры больших полушарий, о большой прочности образованных в ней однажды связей, об устойчивости проложенных в ней нервных путей. Это свойство корковых клеток является физиологической основой памяти.

Кто из нас не замечал, как иногда, идя по улице, мы, что называется, ни с того, ни с сего вдруг с необычайной отчетливостью и яркостью вспоминаем тот двор, в котором когда-то в детстве играли в прятки, наших сверстников, кусты акаций, густо растущие вдоль забора, в которых так удобно было прятаться... Постойте... акации? Не их ли запах донес к нам ветер? Да, конечно. И это именно он, как по цепочке, по хорошо известному нам теперь механизму временных связей, вызвал в нашем мозгу один за другим ряд, казалось, давно забытых картин и образов.

В психологии давно были описаны подобные явления, получившие название ассоциаций, или связи представлений, но каков внутренний механизм ассоциаций, что происходит в мозгу при их образовании и по каким законам они осуществляются — этого психология установить не сумела. Лишь павловский метод объективного изучения работы коры больших полушарий головного мозга — органа психической деятельности — дал возможность впервые строго и точно выяснить ее главные законы, вскрыть процессы, на основе которых эта деятельность осуществляется.

Учение Павлова о высшей нервной деятельности показало, что ассоциации — это те же временные связи, нервные пути, проторившиеся между клетками коры головного мозга, в основе образования которых лежит одновременность оказанных на кору воздействий.

Но каково же все-таки то условие, которое приводит к потере условным раздражителем его положительного действия, к закрытию образовавшегося нервного пути, к устранению временной связи?

Многими опытами в самых разнообразных вариантах с точностью было выяснено, что выработанный и упроченный условный рефлекс перестает проявлять себя, если надолго лишается своего спутника — безусловного раздражителя.

Примером может послужить случай, с которым сами сотрудники Павлова встретились, как с фактом рокового, прямо на глазах происходившего ослабления условного рефлекса, приведшего, наконец, к полному его исчезновению.

У собаки обычным путем, то есть неоднократным сочетанием постороннего раздражителя (предположим, в данном случае звука трещотки) с последующим подкармливанием выработали условный пищевой рефлекс, так что, как только раздавался знакомый треск, у собаки начинала обильно выделяться слюна — предвкушение еды; собака поворачивалась к кормушке, виляла хвостом, облизывалась. Трещотка стала сигналом, как бы «обещающим» вслед за собой пищу. Но вот несколько раз подряд звук трещотки перестали сопровождать едой. Вначале, невзирая на это, все же каждый раз в ответ на треск слюна выделялась по-прежнему, но

затем с каждым последующим включением трещотки, не сопровождавшимся дачей пищи, слюны стало выделяться все меньше и меньше, и, наконец, настал момент, когда трещотка потеряла свое слюногонное действие. Условный пищевой рефлекс на звук трещотки исчез.

Этот случай постепенной потери условным раздражителем своего действия был назван *угасанием*. Как мы видим, это слово метко выражает характер протекания событий при этом процессе: условный рефлекс исчезает не сразу, а как бы медленно гаснет, неуклонно сходя на нет. Условный раздражитель, оставаясь без безусловного подкрепления, стал теперь сигналом обратного значения — сигналом отсутствия еды, и поэтому перестал оказывать слюногонное действие.

Но означает ли это внешнее отсутствие реакции на систематически не подкрепляющееся условное раздражение, что в нервных клетках коры, в которые оно поступает, не происходит теперь никакой деятельности, что они вообще перестают на него реагировать? Нет, не означает.

Опыты показали, что неподкрепляемый условный раздражитель вызывает в корковых клетках *активный процесс*, но только противоположный по отношению к процессу возбуждения, который он вызывал в них, будучи постоянно сопровождаем своим безусловным подкреплением. Этот активный нервный процесс получил название процесса *торможения* — процесса задерживания внешних проявлений деятельности этих клеток.

Роль торможения в работе коры больших полушарий головного мозга не менее важна, чем роль возбуждения. В приведенном выше случае она состояла в том, что торможение вмешалось в ход условно-рефлекторной реакции, когда эта реакция перестала соответствовать действительному положению вещей, когда раздражитель, предвещавший еду, потерял свое былое значение и стал сигналом отсутствия пищи. Торможение изменило ответную реакцию организма таким образом, что она вновь стала точно соответствовать создавшимся условиям, прекратилось ставшее ненужным выделение слюны на необещающий теперь пищи звук трещотки.

Итак, первая роль торможения состоит в том, что оно обеспечивает точность ответной реакции организма, соответственно конкретно складывающимся условиям его деятельности. Указывая на то, что тормозной процесс по своему значению не уступает процессу возбуждения, Павлов говорил: «Вы понимаете, конечно, что это имеет грандиознейшую важность в жизни животных и нас, ибо наша жизнь к тому и сводится, что мы в определенной обстановке и в оп-

ределенный момент должны проявить известную деятельность, а в другой — задержать ее.

На этом основывается высшая жизненная ориентировка. Таким образом из постоянного и правильного балансирования этих двух процессов складывается нормальная жизнь у человека и животного. Надо быть проникнутым мыслью, что эти два противоположных процесса одинаково важны, одинаково существенны в нервной деятельности»[1].

Маленькой иллюстрацией, уточняющей роль торможения в высшей нервной деятельности человека, может послужить приведенный нами выше пример привычных движений, а именно: широко всем известный факт машинального включения электрического выключателя при входе в свою комнату. Мы привыкли к тому, что выключатель находится у нас, предположим, справа от двери, и обычно, нисколько не задумываясь, уверенно поднимаем руку и зажигаем свет. Но вот в комнате сделали ремонт и изменили схему проводки, или мы переехали на новую квартиру, и у нас все выключатели на новых местах. Вначале мы по-прежнему автоматически протягиваем руку к привычному нам месту справа от двери и, лишь тщетно пошарив рукой, вспоминаем, ах, да ведь теперь у нас выключатель слева. Но постепенно это случается все реже, и вскоре мы начинаем находить наш новый выключатель так же легко и просто, как прежде, и уже больше не ошибаемся. Вмешался процесс торможения, он отменил старую, переставшую соответствовать жизненной обстановке реакцию, и тем помог выработке новой, точно приспособленной к изменившимся условиям.

Данные современной физиологии приносят все новые подтверждения тому, что именно процесс торможения создает возможность той тонкости, гибкости и точности реакций животных и человека на беспрерывно меняющиеся условия их жизни, которая составляет главное свойство высшей нервной (психической) деятельности.

Однако роль торможения этим не ограничивается. Центральная нервная система приобрела свое ведущее положение в организме, свою роль высшего регулятора его деятельности, благодаря тонкой чувствительности ее клеток к малейшим раздражениям. Но это ценное биологическое свойство имеет в то же время и обратную сторону. Высокая чувствительность нервных клеток связана с их чрезвычайной хрупкостью, или, как говорил Павлов, «стремительной функциональной разрушаемостью, быстрою утомляемостью». Здесь-то и выступает еще одна важная роль процесса торможения, а именно, его роль охранителя высокореактивных нервных клеток от губительных для них чрезмерно сильных

[1] И. П. Павлов. Полное собрание сочинений, т. III, ч. II, стр. 81.

или длительных воздействий, которые могут привести эти клетки к опасному истощению, к преждевременной гибели.

Охранительная роль торможения наиболее ярко выступает при так называемом запредельном торможении, возникающем в корковых клетках под действием сверхсильных раздражителей.

Обычно ответ корковой клетки на раздражение зависит от силы раздражителя: чем сильнее условный раздражитель, тем больше по величине условная реакция. Так, громкий стук в качестве положительного условного раздражителя пищевого рефлекса гонит больше слюны, чем имеющий то же сигнальное значение слабый стук. Однако это правило имеет границы своего применения. При переходе силы раздражителя за известный предел, превышающий предел работоспособности высокочувствительных нервных клеток коры больших полушарий, величина ответной реакции перестает возрастать соответственно силе раздражения. Напротив того, она начинает стремительно уменьшаться. Объясняется это возникающим в корковых клетках в этих условиях процессом торможения, охраняющим таким образом нервные клетки от чрезмерного для них рабочего напряжения.

Значительно медленнее, но с такой же закономерностью возникает торможение и в тех случаях, когда кора больших полушарий подвергается воздействию слабых безразличных, то есть не имеющих никакого условного значения, но часто и длительно повторяющихся раздражений.

Углубленное экспериментальное изучение охранительного торможения показало, что, возникая в клетках коры больших полушарий, под воздействием соответствующих условий, о которых мы только что говорили, оно не только препятствует их дальнейшей работе, но и активно благоприятствует скорейшему восстановлению их работоспособности. За время этого внешне бездеятельного (именно внешне и только внешне, ибо внутри клетки в это время идут жизненно важные процессы) состояния корковые клетки восстанавливают свой нормальный состав, набирают силы для дальнейшей активной деятельности.

Важной особенностью торможения, так же, впрочем, как и возбуждения, является то, что оно представляет собой процесс движущийся: возникая в том или ином участке коры больших полушарий, оно может затем распространяться по всей коре и даже спускаться на нижележащие отделы мозга. Степень этой распространенности может быть весьма различна.

Изучение этого вопроса дало возможность выяснить природу сна. Оказалось, что ежесуточно наступающий обыч-

ный ночной сон представляет собой не что иное, как разлившееся по мозгу торможение, охватившее кору больших полушарий, а при глубоком сне — спустившееся на нижележащие отделы головного мозга. Особенностями корковых клеток в состоянии торможения объясняется тот всем известный факт, что обычно глубоко спящий человек не реагирует на внешние раздражения (шум, разговор, яркий свет) до тех пор, пока они не становятся чересчур сильными; в последнем случае они воспринимаются, пробуждают спящего.

Переход торможения в сон наблюдается во всех случаях, когда создаются условия, способствующие разлитию тормозного процесса по массе мозга.

Такими условиями являются как действие однообразно повторяющихся слабых и средних раздражителей, так и однократное действие резких, сильных (громкий звук, яркий свет и др.) раздражителей. Условием, способствующим возникновению сна, может быть также и устранение сразу многих раздражающих агентов из окружающей обстановки: отсутствие шума, резкого освещения и т. д.

Повышение потребности во сне вызывают все те разнообразные причины, которые снижают предел работоспособности мозга: утомление, истощение, перенесенная операция или инфекция, отравление. Например, у человека под влиянием большого количества раздражений, падающих на мозг в течение дня, к вечеру развивается утомление, а с ним и сонливость, свидетельствующая о настойчивой потребности нервных клеток в отдыхе. Во время сна восстанавливается работоспособность огромной массы нервных клеток.

Руководствуясь павловским учением об охранительно-восстановительной роли сна, советские врачи и ученые создали метод лечения сном. Длительный сон с успехом применяется при таких заболеваниях, как нервные расстройства, гипертоническая и язвенная болезнь, некоторые кожные болезни, стенокардия и др. В ходе изучения вопросов, связанных с развитием сна и торможения, И. П. Павлов и его последователи установили также физиологические основы гипноза, чем была создана база для теоретически обоснованной гипнотерапии.

Ведущая идея учения И. П. Павлова состоит в том, что кора больших полушарий головного мозга является главнейшим регулятором деятельности всего организма. Эта идея получила полное подтверждение и развитие в дальнейших работах его учеников и последователей.

Исследованиями академика К. М. Быкова и его сотрудников было показано, что самые разнообразные внешние воздействия, воспринимаемые корой больших полушарий, могут через систему условных рефлексов вызвать изменения в деятельности различных внутренних органов, и, наоборот,

изменения в работе внутренних органов оказывают влияние на деятельность высших отделов мозга.

Таким образом, и у животных, и у человека многообразные внешние раздражители становятся сигналами других жизненно важных для организма безусловных раздражителей, оказывают действие на работу мозга и могут таким образом влиять на деятельность всех органов и систем организма.

Но у человека к этому прибавляются еще огромные возможности воздействия словом, речью.

Павлов назвал слово «сигналом сигналов», ибо оно заменяет и обобщает все непосредственные впечатления от предметов и явлений окружающего нас мира, которые сами служат сигналами, влияющими на высшую нервную деятельность.

«Конечно, слово для человека,— говорил Павлов,— есть такой же реальный условный раздражитель, как и все остальные общие у него с животными, но вместе с тем и такой многообъемлющий, как никакие другие, не идущий в этом отношении ни в какое количественное и качественное сравнение с условными раздражителями животных.

Слово, благодаря всей предшествующей жизни взрослого человека, связано со всеми внешними и внутренними раздражениями, приходящими в большие полушария, все их сигнализирует, все их заменяет и потому может вызвать все те действия, реакции организма, которые обусловливают те раздражения»[1].

В обыденной жизни человека можно найти много примеров, показывающих многообъемлемость слова, как раздражителя. Ограничимся здесь лишь несколькими.

Часто случается, что, когда несколько человек вместе входят в комнату и один из них вслух замечает «как здесь холодно», другие тоже начинают поеживаться, у некоторых даже выступает «гусиная кожа», в то время как в действительности в комнате достаточно тепло и ощущение холода обязано своим возникновением только одному лишь речевому раздражителю — слову.

Другим примером может служить всем известный факт, что достаточно бывает лишь упомянуть о каком-нибудь особо любимом человеком блюде, чтобы вызвать у него усиленное слюноотделение.

Но слово может вызывать и не только такие относительно простые реакции у человека, но и оказывать воздействие на область значительно более сложных ощущений и чувств.

Так, например, какое-нибудь радостное для данного человека известие может вызвать у него усиление и учащение

---

[1] И. П. Павлов. Полное собрание сочинений, т. IV, стр. 428—429. 1951.

1350-3

сердцебиения, улыбку, румянец и т. п., в то время как посторонний человек, слыша те же самые слова, остается к ним совершенно безучастным, и никаких реакций они у него не вызывают.

Слово может вызвать ряд самых глубоких изменений в организме человека не только тогда, когда его произносит кто-нибудь другой, но и тогда, когда оно мысленно возникает в нашем собственном мозгу, вызывая в нашем сознании те или другие образы. Так, всем известно, что часто одно лишь воспоминание о каком-либо волнующем событии из нашей жизни заставляет сильнее забиться сердце, учащает дыхание, вызывает слезы и т. п.

Учениками и последователями Павлова получено много экспериментальных данных, доказывающих огромные возможности воздействовать словом на деятельность органов и систем организма человека: изменить течение и скорость самых различных реакций, участить или замедлить сердечный ритм, изменить величину кровяного давления, вызвать мигание век, выступление пота от якобы ощущаемого тепла или дрожание рук и поеживание от якобы внезапно наступившего похолодания и т. п.

Выяснение роли слова как многообразного и разностороннего физиологического раздражителя, позволяющего оказывать мощное влияние на жизнедеятельность организма человека, открыло широкие перспективы для лечебного воздействия словом, для научно обоснованной психотерапии.

Создание И. П. Павловым учения о высшей нервной деятельности, раскрывающего основные закономерности работы мозга, нанесло сокрушительный удар религиозному догмату о «бессмертии души», показав материальные физиологические основы психических явлений.

Физиологические основы гипноза и внушения

Пестра и разнообразна обстановка «чудес», но за всеми ее ухищрениями скрывается одно — стремление оказать как можно более сильное воздействие на психику человека, поразить его воображение, внушить ему слепую, безграничную веру в «чудесные исцеления».

Подобное внушающее воздействие могли оказывать на некоторых особенно восприимчивых больных и заклинания шаманов, колдунов и знахарей, и торжественные молебны о здравии, звучавшие в храмах, и вся обстановка, подготавливающая больных к посещению лурдского грота, и горячие молитвы об исцелении у «чудотворных» икон и «святых» мощей и т. п. Нередко здесь вступал в действие фактор самовнушения — ожидание «чуда», вера в то, что якобы всесильное «чудодейственное» средство помо-

жет — вернет здоровье и силы. Все это заранее настраивало психику больного, подчиняя все его сознание этой единой всепоглощающей мысли.

Физиологический механизм действия внушения и самовнушения нашел свое четкое и убедительное разъяснение в учении И. П. Павлова о высшей нервной деятельности. И. П. Павлов развил теорию о слове как могущественном физиологическом факторе для нервной системы человека. Последователи И. П. Павлова экспериментальными данными доказали возможность производить значительные сдвиги в деятельности внутренних органов человека с помощью слова, словесного внушения и тем самым раскрыли подлинную естественную основу «чудес».

Огромную важность представляют данные школы И. П. Павлова, говорящие о том, что при определенных условиях восприимчивость человека к внушению повышается. Повышению внушаемости способствует все то, что понижает предел работоспособности корковых клеток больших полушарий мозга. Такими условиями могут быть как врожденная слабость нервных клеток коры (что, например, бывает у людей, страдающих истерией), так и ослабление корковых клеток, возникшее вследствие заболевания, отравления, утомления и тому подобных факторов.

Таким образом, становится понятен тот факт, что люди с ослабленной нервной системой, каковыми являются, в частности, больные истерией, особенно впечатлительны как к внешним словесным воздействиям, так и к собственным мыслям. Эта повышенная внушаемость больных истерией приводит к тому, что иногда даже незначительные неприятные ощущения в каком-либо органе или чувство слабости в руках, ногах могут навести больного на мысль, что у него развивается какое-то очень тяжелое заболевание: отнимаются ноги, он слепнет, глохнет, теряет возможность говорить. Под влиянием подобного самовнушения могут действительно появиться признаки болезни. Такое происхождение нередко имеют истерические параличи, немота, глухота, нарушение деятельности желудочно-кишечного тракта, некоторые заболевания сердца и др.

Подобные же расстройства могут возникать также под влиянием нервных потрясений: страха перед внезапно нависшей опасностью для жизни, глубокого горя от потери близкого человека, жизненных катастроф и т. д. И в этих случаях может получиться болезненный сдвиг в протекании нервных процессов в высших отделах мозга, а с ним и нарушение нормальной регуляции работы внутренних органов. При всех этих заболеваниях первичной причиной видимых болезненных проявлений бывает нарушение высшей нервной деятельности, а не разрушение того или иного органа или части

тела. Поэтому их и называют психогенными. Психогенные заболевания часто не поддаются никаким лекарствам, но могут уступить воздействиям, оказываемым на психику.

Психогенное угнетение деятельности тех или иных участков коры больших полушарий может быть, по меткому определению И. П. Павлова, смыто более сильным противоположно направленным нервным процессом, возникшим под влиянием новых, иногда радостных, а иногда даже и неприятных волнений, но благотворных тем, что они заставляют мысль больного обратиться по новому руслу. Таким же образом могут действовать на психику словесные раздражители — внушение и самовнушение.

Если внушение и самовнушение нередко бывают повинны в возникновении многих тяжелейших и длительно не поддающихся излечению истерических симптомов, то они же, соответствующим образом направленные, могут оказать и оздоровительное воздействие на психику некоторых больных и тем самым привести к ликвидации многих психогенных симптомов. При этом происходит возврат нервных процессов в тех или иных участках коры больших полушарий к норме, восстановление правильной регуляции деятельности внутренних органов и тем самым снятие наблюдавшихся в них болезненных проявлений.

Эти вполне ясные, с точки зрения учения И. П. Павлова, процессы и составляют естественную физиологическую основу тех действительных фактов поразительных исцелений самых различных по своей внешней форме заболеваний, которые происходили иногда в обстановке «чудес».

Однако здесь следует еще раз подчеркнуть, что при всем внешнем многообразии болезненных проявлений, доступных излечивающему воздействию внушения, область его применения ограничена лишь теми заболеваниями, о которых мы писали выше, а именно — заболеваниями, возникшими в связи с нарушениями нервной регуляции. Важно также, чтобы внушение попало на подходящую почву, в смысле достаточной степени внушаемости больного. Такими благодатными объектами обычно бывают больные истерией, отличающиеся повышенной внушаемостью. Они-то и составляют подавляющую массу объектов, создававших славу «чудесным исцелителям». Кроме того, существует и искусственный способ увеличения внушаемости — это погружение человека в гипнотическое состояние.

Сущность гипноза, веками остававшегося загадочным и недоступным научному пониманию, также нашла свое разъяснение в учении И. П. Павлова.

И. П. Павлов и его ученики встретились с гипнотическими явлениями еще в самом начале опытов по изучению условий развития сна. Тогда же впервые у них возникла

мысль о том, что гипноз есть частичный, неполный сон, связанный с различными степенями распространения торможения в коре больших полушарий.

В предыдущей главе мы говорили о том, что обычный ночной сон представляет собой торможение, охватившее всю кору больших полушарий, а при глубоких степенях сна — спустившееся и на нижележащие отделы мозга. Поэтому глубоко спящий человек не реагирует на не слишком сильные раздражения.

Однако не всегда сон бывает таким полным. Неоднократно удавалось замечать, что спящий, не воспринимая подавляющего большинства раздающихся вокруг него шумов, пробуждается от некоторых определенных звуковых раздражений, хотя последние по своей абсолютной силе уступают невоспринимающимся шумам. Широко известным примером может служить сон, в котором находится мать, заснувшая у постели больного ребенка. Она часто не реагирует на громкий шум и разговор в комнате, но тотчас пробуждается при малейшем звуке или шорохе, произведенном ее ребенком. Подобным сном бывает охвачен телефонист, дежурящий в ночную смену на станции: свистки и гудки маневрирующих паровозов не будят его, а относительно слабый раздражитель — звонок телефонного аппарата — заставляет его сразу проснуться.

Павлов объяснял эти явления тем, что помимо полного сна, при котором, как мы уже знаем, торможение распространяется на всю кору больших полушарий мозга, существует и такой сон, при котором отдельные участки коры не охвачены торможением и находятся в бодрственном состоянии. Такие участки Павлов образно называл «сторожевыми пунктами».

Нельзя не заметить сходства между только что рассмотренными явлениями и гипнотическим состоянием человека, когда глубоко загипнотизированный, не воспринимая большинства раздражений из внешней среды, слышит в то же время каждое обращенное к нему слово гипнотизирующего, если даже последний говорит очень тихо. Такое явление издавна получило название **гипнотического раппорта** — контакта, устанавливающегося между гипнотизирующим и загипнотизированным. Уже одно это позволяет усмотреть известное родство явлений неполного сна и гипноза. Дальнейшие экспериментальные исследования показали, что физиологическая природа обоих этих явлений едина.

Гипноз в самых различных его стадиях и формах проявления наиболее отчетливо наблюдался у животных, когда создавались условия для медленного, постепенного их засыпания и пробуждения. Таким образом было установлено, что для воз-

никновения гипнотического состояния необходимы такие же условия, как и для наступления сна.

Гипноз, как и естественный сон, возникает под действием условий, вызывающих развитие коркового торможения и способствующих его распространению. Такими условиями может быть действие внезапных, чрезмерно сильных или чрезвычайных раздражителей, а также раздражителей средних и слабых, но длительное время однообразно ритмически повторяющихся. Благоприятствующим обстоятельством является отсутствие в окружающей обстановке излишних возбуждающих моментов.

Сопоставляя условия наступления гипноза у животных с известными способами гипнотизации человека, Павлов писал: «Процедура гипнотизирования людей вполне воспроизводит описанные условия у животных. Ранний классический способ гипнотизирования—это так называемые пассы, т. е. слабые однообразно повторяющиеся раздражения кожи, как в наших опытах. Теперь постоянно применяющийся способ— повторяющиеся слова (к тому же произносимые в минорном, однообразном тоне), описывающие физиологические акты сонного состояния... Наконец, гипнотизирование истеричных, по Шарко, достигается сильными, неожиданными раздражителями, как в старом способе гипнотизирования животных... Как у животных, так и у людей большинство гипнотизирующих приемов тем скорее и вернее приводят к цели, чем они чаще применяются»[1].

Наиболее распространенный ныне метод вызывания гипноза путем словесного внушения получил свое обоснование в развитой И. П. Павловым концепции о слове, как качественно новом, специфическом для психической деятельности человека физиологическом раздражителе, заменяющем и обобщающем множество непосредственно действующих на человека раздражений. Внушая гипнотизируемому представления, связанные со сном, гипнотизер вызывает у него в организме ряд сдвигов, соответствующих тем, которые происходят при засыпании и благоприятствуют погружению человека в гипноз.

Было установлено также, что особенно легко и быстро развивается гипноз у животных с ослабленной корой больших полушарий (вследствие утомления, отравления, перенесенной болезни или операции и т. д.). Последнее становится понятным, если учесть, что многие раздражители, бывшие сильными и даже средними для нормальной коры, могут быть сверхсильными, превышающими предел работоспособности для ослабленных корковых клеток. И теперь, действуя на ослабленную кору, они будут вызывать в ней не возбуждение, а охранительный, тормозной процесс, который, распространяясь, создает картину различных стадий гипноза.

---

[1] И. П. Павлов, Полное собрание сочинений, т. IV, стр. 425—426.

Таким образом, было выявлено, что гипноз, как и естественный сон, является состоянием, благоприятствующим восстановлению работоспособности корковых клеток.

В свете этих научных данных стал ясен истинный смысл многих приемов «чудодейственного» врачевания, веками скрывавшихся под маской таинственности и мистики. Ритмические танцы и движения, сопровождаемые монотонными ударами бубна, непрерывно звенящего в руке африканского колдуна или прежнего сибирского шамана при камлании, загадочное средство внушения сна путем пристального сосредоточения взора, упоминаемое в индийской «Махабхарате», односложные мистические слова, призванные погружать в «священный сон» йогов, «магнетические» пассы Месмера и тихо звучащая музыка, аккомпанирующая его сеансам, многократно повторяющиеся слова молитв у Лурдского грота и т. п. — что это, как не условия, ведущие к развитию гипнотического состояния, как не однообразные, повторяющиеся раздражители, вызывающие возникновение охранительного торможения и благоприятствующие его распространению по коре больших полушарий мозга?

Для понимания явлений, разыгрывающихся в мозгу загипнотизированного, необходимо познакомиться с научными данными, полученными Павловым и его последователями при изучении развития торможения.

Торможение нервных клеток коры мозга, как и всякое торможение, есть процесс. В своем развитии оно проходит ряд стадий, названных Павловым гипнотическими фазами. В бодрствующем состоянии корковые клетки отвечают на раздражения пропорционально силе раздражителя (на сильное раздражение — сильный ответ, на слабое — слабый). Примеров пропорционального соответствия между силой раздражения и величиной ответной реакции можно найти очень много в повседневной жизни. Возьмем хотя бы такой: если негромко постучать по столу, то реакция людей на этот стук будет небольшая — один повернет голову в направлении раздавшегося звука, другой встревоженно спросит «в чем дело?», третий только вопросительно посмотрит. Но если те же люди услышат грохот упавшего невдалеке рельса или пронзительный вой пароходной сирены, то реакция будет, конечно, значительно большая: особо чувствительные могут вскрикнуть, некоторые бросятся бежать, третьи вздрогнут и зажмут уши руками.

При первой фазе торможения — уравнительной — ответы нервной клетки как на сильные, так и на слабые раздражители становятся равными между собой. Вторая, парадоксальная, фаза характеризуется тем, что реакция клетки на слабый раздражитель оказывается по своей величине зна-

чительно большей, чем на сильный. Особенностями этих двух первых фаз (есть еще и другие гипнотические фазы) объясняется многое из того, что раньше представлялось недоступным пониманию и загадочным в явлениях гипноза.

Известно, например, что глубоко загипнотизированному человеку можно внушить ощущения, противоположные тому, какое вызывает реальный раздражитель. Допустим, ему дают порошок хины, но при этом внушают, что дан сахар, и загипнотизированный действительно начинает ощущать не реальную горечь от находящейся во рту хины, а внушенный ему сладкий вкус сахара.

Мы упоминали о том, что опыты последователей Павлова показали, что одно только употребление слова, обозначающего данный предмет или явление, вызывает в мозгу человека соответствующие им представления и что под влиянием этих представлений могут произойти глубочайшие изменения в деятельности различных внутренних органов.

Естественно, что непосредственно воспринимаемый предмет или явление оказывает на мозг человека более сильное воздействие, чем словесные их обозначения: есть яблоко или читать описание его в книге — вещи безусловно совершенно различные.

Положение коренным образом меняется, если мы обращаем слово к человеку, находящемуся в состоянии гипноза. В этом случае наш словесный сигнал попадает в нервные клетки мозга, которые могут находиться в этот момент в парадоксальной фазе, и слово, будучи слабым раздражителем, окажет тогда более сильное воздействие, чем непосредственный раздражитель.

Об этом свидетельствуют многочисленные и разнообразные опыты. Существует особый прибор — плетизмограф, с помощью которого записываются изменения объема отдельных органов. Посредством плетизмографа записывали кривую изменения объема руки человека, так называемую плетизмограмму, поочередно нанося раздражения холодом и теплом, на что кровеносные сосуды руки реагировали в первом случае сужением, а во втором — расширением. Это отражалось в соответствующих изменениях плетизмограммы, уровень которой то падал, то повышался. Затем испытуемого приводили в состояние гипноза. На руку, помещенную в плетизмограф, ставился сосуд, наполненный теплой водой (+45°) и одновременно загипнотизированному внушалось, что к руке приложен лед. И действительно, на плетизмограмме наблюдали реакцию, соответствующую не реальному — тепловому раздражению, а совершенно противоположному — внушенному: плетизмограмма графически, объективно показывала сужение сосудов (рис. 16).

Этот пример совершенно неоспоримо доказывает, что при

развитии в мозгу загипнотизированного парадоксальной фазы слово становится способным извратить характер реакции организма на непосредственный раздражитель.

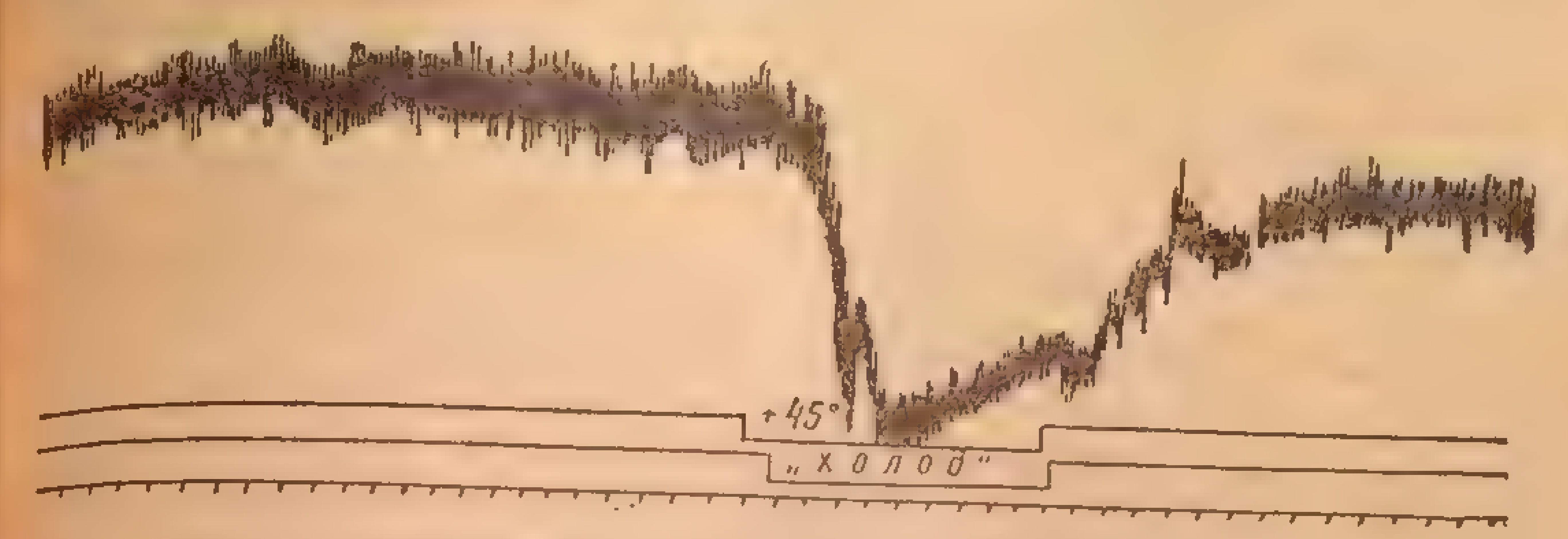

Рис. 16. Извращение сосудистой реакции в глубоком гипнозе. Запись изменения объема руки — плетизмограмма.

Слово приобретает особенно могучее влияние на организм человека, находящегося в гипнозе, также еще и потому, что в гипнозе все другие раздражения, кроме слов гипнотизера, благодаря так называемому раппорту не осознаются гипнотизируемым. Вследствие этого слова гипнотизирующего приобретают особенно большую, неодолимую силу воздействия.

Например, загипнотизированному, помещенному под экран рентгеновского аппарата, внушают, что он в данный момент ест противную пищу, вызывающую тошноту. Чаще всего это производится в лечебных целях с лицами, страдающими хроническим алкоголизмом: гипнотизирующий внушает им ощущения водки во рту и тошноту на ее специфический неприятный вкус и запах, и на экране рентгеновского аппарата ясно видно, как не получивший никакого пищевого раздражения желудок в ответ только на словесное воздействие, влияющее на него через кору головного мозга, совершает характерные рвотные движения.

Обычно различают три степени глубины гипноза: сонливость, гипотаксию и сомнамбулизм.

При сонливости наблюдается легкая дремота и общее расслабление мышц. При гипотаксии, характеризующейся угнетением произвольных движений, часто имеет место так называемая восковидная гибкость — каталепсия, то есть такое состояние, при котором рука, нога или голова загипнотизированного могут долго сохранять приданное им искусственное положение. Застывшие фигуры молящихся, нередко часами сохраняющих одну и ту же позу, являют собой пример каталептического состояния, возникшего при сосредоточении их внимания на содержании произносимых молитв. Сомнамбулизм (что дословно означает «снохождение») — это стадия наиболее глубокого гипноза, во время ко-

торой загипнотизированному можно внушить различные зрительные, слуховые и обонятельные образы, так называемые галлюцинации (мнимые восприятия): больные видят внушенные предметы, слышат звуки, обоняют различные запахи и т. д. На словесный приказ гипнотизирующего они могут вставать, ходить по комнате, выполнять те или иные задания.

Проводились специальные исследования, которые показали, что в этой стадии гипноза путем словесного внушения можно изменить поведение загипнотизированного соответственно внушаемому возрасту. Так, например, человеку средних лет внушали поочередно то, что он двух-трехлетний ребенок, то, наоборот, что он глубокий старик. Соответственно, в первом случае он начинал ходить по комнате маленькими детскими шажками, на задаваемые вопросы отвечал детским лепетанием с характерной артикуляцией: «лубаска» вместо «рубашка», «атобус» вместо «автобус» и т. д. Во втором случае его походка начинала напоминать старческую, спина сгибалась и т. д.

Некоторых глубоко загипнотизированных одним указанием на то, что они в данный момент находятся в привычной рабочей обстановке и заняты повседневным трудом, удается заставить совершать характерные для их профессии рабочие движения: машинистки начинают «печатать», столяры «строгать».

Как мы видим, сомнамбулизм, будучи стадией наиболее глубокого гипноза, представляет собой особенно благоприятную почву для реализации внушения, когда слово гипнотизирующего становится способным вызвать самые удивительные изменения в поведении и ощущениях загипнотизированного, самые глубочайшие сдвиги в деятельности всего организма и отдельных его органов.

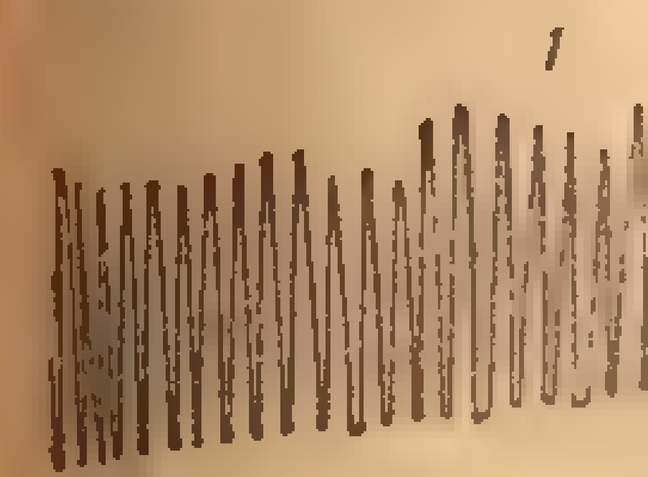
Современная физиология располагает средствами исследования и приборами, позволяющими зарегистрировать эти сдвиги совершенно объективно, то есть получить о них точные и бесспорные данные, не ограничиваясь теми сведениями, которые сообщает загипнотизированный в ответ на вопрос о том, что он чувствовал в момент внушения.

Приведем несколько примеров.

Известный советский психотерапевт К. И. Платонов заинтересовался, можно ли повлиять на работоспособность человека, находящегося в состоянии опьянения, внушив ему, что он трезв. Мышечные сокращения во время работы, которую проделывал испытуемый (подъем груза весом в 4 килограмма с ритмом 120 раз в минуту), записывались с помощью специального прибора — эргографа (рис. 17).

Как видно на верхней кривой, после принятия алкоголя работоспособность заметно снижается. После быстрого по-

гружения испытуемого в гипноз (который продолжался всего лишь 15 секунд) проведено внушение, что испытуемый трезв. Тут же вслед за этим записанная величина мышечных сокращений свидетельствует о восстановлении перво-

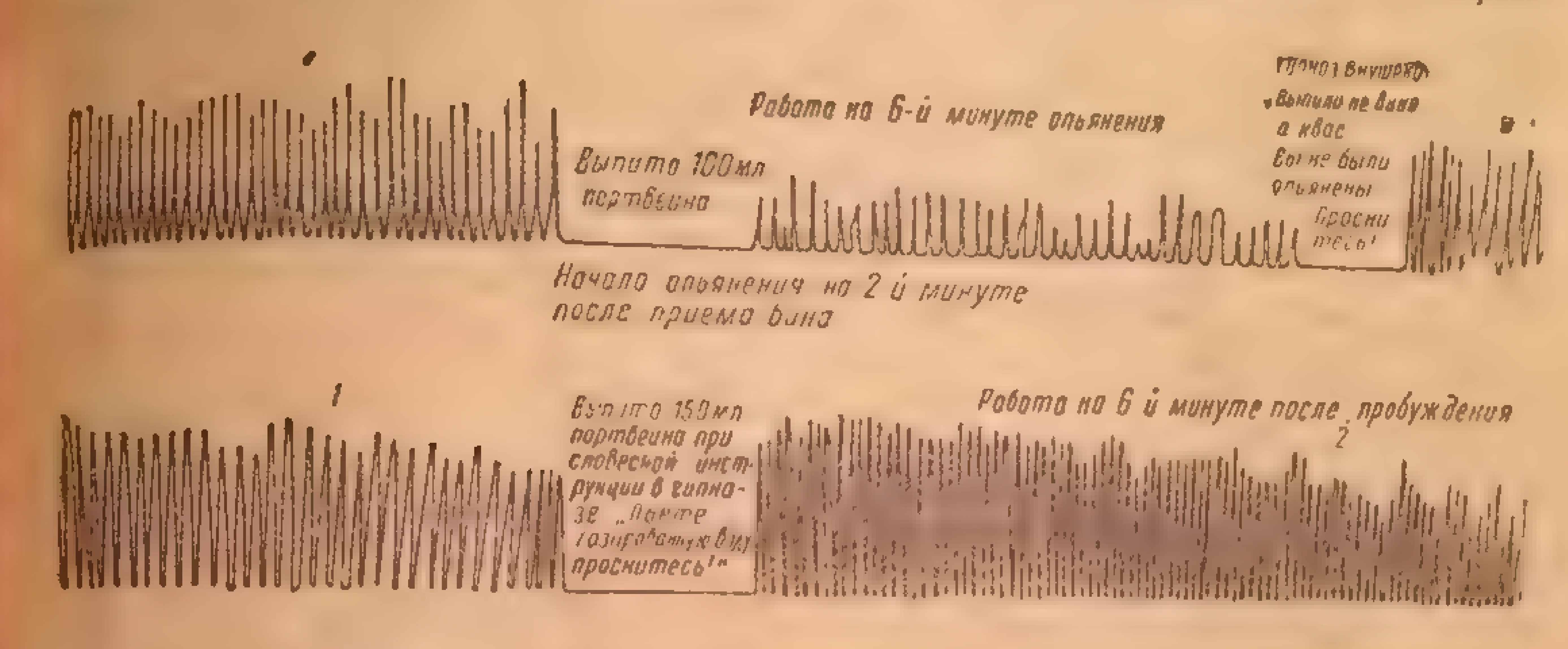

Рис. 17. Влияние внушенного отрезвления на работоспособность: 1 — мышечные сокращения, записанные эргографом до приема спиртных напитков; 2 — то же после словесного внушения.

начальной работоспособности. На нижней кривой приведено исследование, когда отрезвление было внушено тотчас после принятия алкоголя. Заметного снижения работоспособности не наблюдается — величина мышечных сокращений уменьшается очень постепенно, в конце кривой, как это и бывает при обычном утомлении, связанном с длительным и часто повторяющимся подъемом груза.

Словесное внушение человеку, находящемуся в сомнамбулической стадии гипноза, существенным образом влияет на всю его высшую нервную деятельность, что, естественно, отражается в первую очередь на величине условных и безусловных рефлексов загипнотизированного.

Советские физиологи И. И. Короткин и М. М. Суслова провели серию исследований, в которых изучали изменение величины условных и безусловных мигательных рефлексов в гипнозе в зависимости от смысла проведенного внушения.

Безусловный мигательный рефлекс в лабораторных условиях вызывают, направляя тонкую струю воздуха в глаз испытуемого. Читателю уже известно, что если это действие несколько раз сочетать, например, со стуком ударов метронома, то выработается условный рефлекс, и в дальнейшем один лишь звук стучащего метронома будет вызывать мигание. Упомянутые нами авторы вырабатывали у испытуемых условный мигательный рефлекс на стук метронома с частотой 120 ударов в минуту (на рис. 18 обозначен как M_{120}) и 80 ударов в минуту (на рис. 18 обозначен как M_{80}). Затем испытуемых погружали в глубокий гипнотический сон

(сомнамбулическая стадия) и проводили то или иное внушение. Оказалось, что в зависимости от того, какое состояние внушалось, менялась величина условного мигательного рефлекса. Так, на рисунке 18 в первом случае, где испытуемой внушалось, что она чувствует себя утомленной и неработоспособной, величина рефлекса была очень незначительна. Во втором случае, когда испытуемой внушалось, что она отдохнула, бодра и работоспособна, рефлекс был сильно выражен, частота миганий соответствовала ритму ударов метронома (рис. 18).

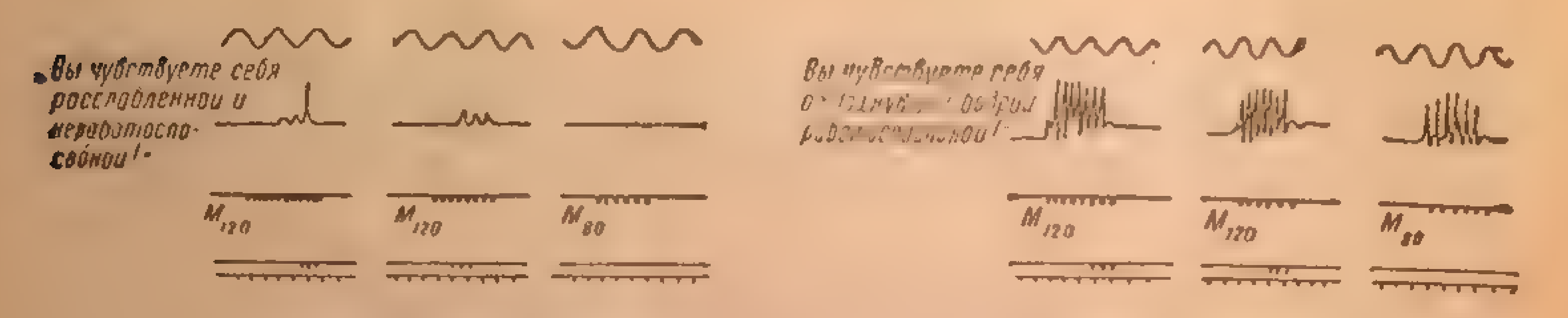

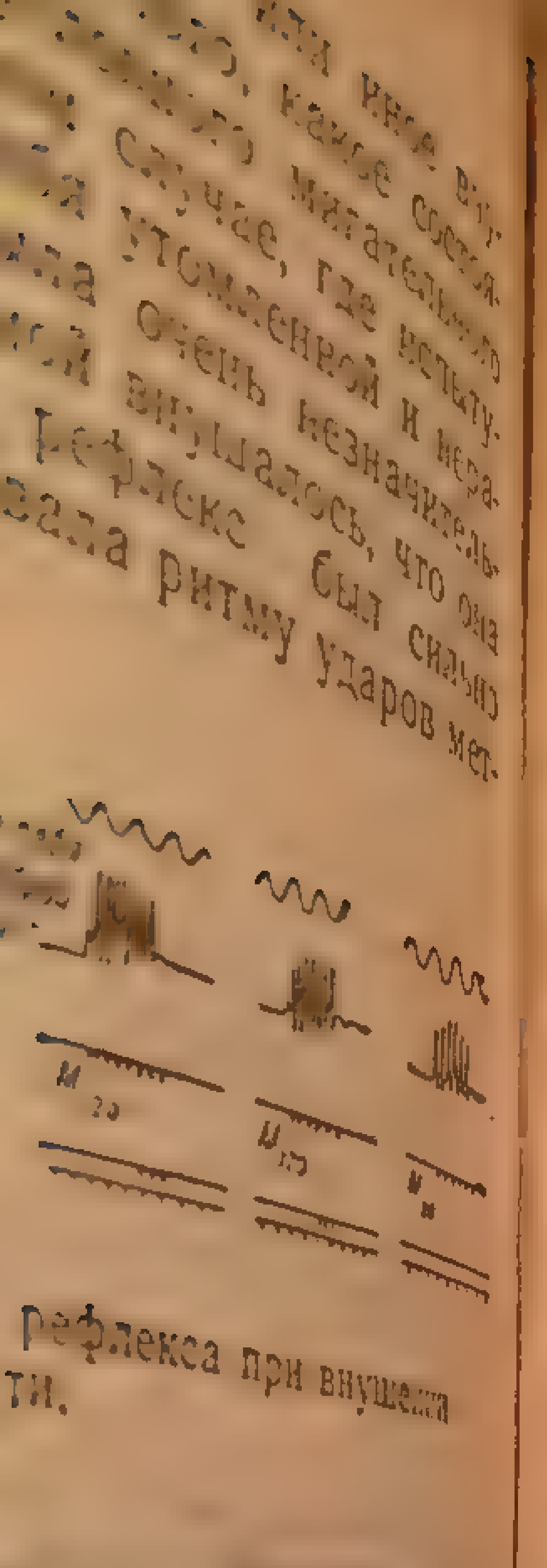
Рис. 18. Изменение величины мигательного рефлекса при внушении усталости или бодрости.

Один из распространенных современных методов изучения работы мозга — это запись изменений его электрической активности (так называемых биотоков мозга) с помощью сложного регистрирующего аппарата электроэнцефалографа. Установлено, что изменения в деятельности мозга сопровождаются изменениями в его электрической активности.

Специально проведенные советскими физиологами А. И. Марениной и И. Е. Вольпертом исследования показали, что внушение загипнотизированному чувства страха ярко отражается не только на его мимике и поведении, но вызывает также значительные изменения электрической активности мозга.

В единый ряд с изложенными только что фактами, наглядно показывающими, как велико действие словесного внушения в глубоком гипнозе, совершенно естественно укладывается и то поразительное явление «видения» и «слышания» духов, которое вызывало столь благоговейный трепет зрителей и самих участников «священной» церемонии камлания. Мы уже говорили, что приемы, использующиеся при совершении этой церемонии, есть не что иное, как условия, способствующие появлению гипнотического состояния в различных его стадиях и формах у участников процедуры. Понятно, что те из них, которые отличаются наибольшей внушаемостью, впадают в наиболее глубокую стадию гипноза — сомнамбулизм, открывающую широкую возможность для реализации внушенных восприятий.

Такое значительное, по сравнению с менее глубокими стадиями, увеличение силы действия слова на организм человека, погруженного в сомнамбулическую стадию гипноза, объясняется еще и тем, что большая часть коры больших полушарий мозга оказывается при этом в наиболее глубокой гипнотической фазе — фазе полного торможения. Мы умышленно не останавливались на особенностях этой фазы выше (там, где описывали свойства парадоксальной и уравнительной фазы), чтобы не нарушать стройности изложения. Здесь же рассказать о ней необходимо, ибо это даст нам возможность понять естественную физиологическую основу целого ряда внешне совершенно непостижимых и загадочных явлений, связанных с глубоким гипнотическим состоянием.

Корковые клетки, находясь в фазе полного торможения, перестают отвечать на все слабые, средние и сильные раздражения. Собаки, клетки коры больших полушарий которых оказываются в этой фазе, перестают реагировать на какие бы то ни было условные раздражители. Наличие торможения в клетках коры больших полушарий мозга человека можно обнаружить, например, исследуя реакции его кровеносных сосудов на те или иные раздражители. При полном торможении в коре сосуды руки перестают отвечать даже на очень сильные раздражители — уровень плетизмограммы остается неизменным.

Например, если к руке глубоко загипнотизированного прикладывают колбу с горячей водой (65°С) или сильно звонят в звонок, то никакой реакции сосудов руки на эти раздражения не отмечается. Уровень плетизмограммы не изменяется (рис. 19). Мало того, сам испытуемый на заданный ему вопрос: «Чувствовали ли вы горячее на вашей руке? Слышали ли вы звонок?» отвечает: «Ничего не чувствовал. Ничего, кроме вашего голоса, не слышал». Об этом между прочим объективно свидетельствует и его мимика во время дачи раздражения: лицо его сохраняет во все время этих воздействий совершенно безмятежное, спокойное выражение.

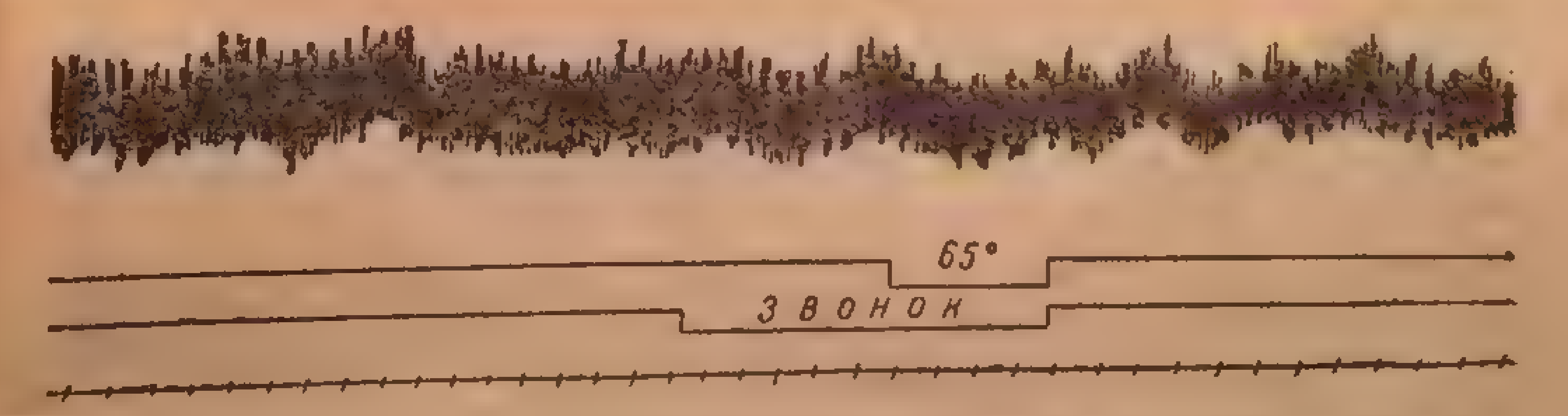

Рис. 19. Полное торможение сосудистых реакций в глубоком гипнозе.

Особенностями этой фазы объясняется и та полная нечувствительность к боли от ожогов и порезов, которая наблюдается у шаманов, магов и колдунов, доведших себя плясками, шумом бубна и дымом курений до исступления; та бесчувственность к любым посторонним раздражениям, которая отмечается во время «сна иогов» и при других подобных же формах отсутствия реакции на сильные внешние воздействия, которые веками вследствие незнания их естественных причин выглядели в глазах людей чудом.

Большой интерес представляет та особенность сомнамбулической стадии гипноза, которая состоит в возможности проведения в ней так называемых постгипнотических внушений, то есть внушения действий, которые должны осуществляться спустя некоторое время после выхода из гипнотического состояния.

Обычно это производится следующим образом: глубоко загипнотизированному внушают какое-нибудь несложное действие, например, хлопание в ладоши, которое он должен осуществить через некоторое время после окончания гипнотического сеанса, причем тут же внушается, что хотя он и выполнит это задание, но помнить о его получении не будет. И вот выведенный из гипноза человек, к удивлению окружающих, а более всего к своему собственному, начинает хлопать в ладоши, при этом у него очень смущенный вид, так как чаще всего такое поведение оказывается не соответствующим окружающей обстановке. Сам же он объясняет свой поступок какой-то смутной потребностью что-то сделать и заявляет, что после того, как произвел это нелепое действие, испытал успокоение.

Эти факты являются еще одним убедительным свидетельством огромных возможностей воздействия словесным внушением на деятельность организма человека.

Выяснение Павловым и его последователями физиологических закономерностей гипноза и внушения открыло широкие возможности для использования этих явлений в лечебных целях, в практике медицинской науки.

Гипнотическое состояние представляет собой один из видов охранительного торможения. Оно способствует восстановлению работоспособности ослабленных в результате утомления, отравления или заболевания нервных клеток коры больших полушарий. Поэтому гипноз применяется как один из видов так называемой охранительной сонной терапии. Его большим преимуществом является то, что длительный (по нескольку часов) гипнотический сон приближается к естественному физиологическому сну, для его возникновения в организм не приходится вводить снотворных средств, которые не вполне безвредны. С помощью такой гипнотерапии

достигаются хорошие результаты при лечении гипертонической, язвенной и некоторых других болезней.

Все более широкое распространение получает гипнотерапия, как один из методов психотерапии. Под психотерапией принято понимать систему лечебных воздействий на психику больного. Сюда относятся беседы, которые проводит со своими больными врач любой специальности, ставя своей целью успокоить пациента, рассеять излишние опасения его за свое здоровье или страх перед предстоящей операцией и т. д.

Определенное лечебное значение имеет и окружающая больного обстановка: светлые палаты, порядок и чистота, внимание лечебного персонала.

Правильно вызванное гипнотическое состояние совершенно безвредно (если не считать некоторых психических болезней, при которых гипноз противопоказан). Но далеко не у каждого человека можно вызвать глубокий гипнотический сон. Здесь многое зависит от особенностей нервной системы больного. Одни люди быстро, при первом же сеансе впадают в состояние глубокого гипноза, у других он развивается лишь после большого количества сеансов. Есть больные, у которых не удается вызвать ясно выраженного гипнотического состояния даже при настойчивых усилиях врача.

Как правило, процесс гипнотизирования протекает с каждым новым сеансом быстрее, так как вся обстановка, окружающая больного во время предшествующих сеансов, сама уже действует в дальнейшем гипнотизирующим образом.

Для того, чтобы загипнотизировать кого-нибудь, совсем не нужно обладать «особыми» качествами. К врачу, применяющему гипнотерапию, не предъявляется каких-либо исключительных требований в отношении его характера и тем более внешности, однако спокойствие и уверенность гипнотизирующего в своих действиях необходимы.

Основное — это хорошее понимание болезненного состояния человека, обратившегося за помощью, и осведомленность врача в существе тех гипнотических явлений, с помощью которых он собирается лечить больного. Вдумчивость, осторожность, тактичный подход к каждому человеку с учетом индивидуальных особенностей его личности и болезненного состояния — вот обязательные требования к врачу, занимающемуся гипнотерапией. Без этого он не только не сможет помочь больному, но и окажется в затруднительном положении при некоторых особенностях протекания гипнотического сна и осложнениях, могущих возникнуть вследствие его ошибочных действий.

По существующей в Советском Союзе инструкции гипнотерапией могут заниматься только врачи в лечебных учреж-

дениях. Применение гипноза в зрелищных целях и для лечения лицами, не имеющими медицинского образования, запрещено.

Практически врачи вызывают гипноз следующим образом. Больного усаживают в удобное кресло или укладывают на кушетку и начинают внушать ощущения, связанные с засыпанием. Существенно важно устранить при этом раздражающие влияния из внешней среды, которые могут помешать развитию дремоты. Словесное внушение часто сопровождается однообразными ритмичными поглаживаниями по лбу. Слова произносят тихо и монотонно, многократно повторяя отдельные фразы. Для хорошо внушаемых лиц этого часто бывает вполне достаточно, чтобы у них возникло глубокое гипнотическое состояние (рис. 20).

Рис. 20. Сеанс лечебного гипноза.

Когда гипнотический сон наступит, переходят к лечебному внушению, содержание которого определяется характером болезни и направлено на ее устранение.

Внушение в гипнозе применяется в первую очередь для лечения различных неврозов и прежде всего истерических реакций, часто проявляющихся во внезапной потере голоса, слуха, зрения, особых функциональных параличах, приводящих к затруднению в ходьбе и при глотании. В ряде случаев внушением удачно лечат заболевания нервной системы, возникшие в результате нервного потрясения, сильного волнения и испуга. Одно перечисление этих болезненных состояний, успешно поддающихся лечебному внушению, говорит о том, что большая часть случаев действительного избавления больных от мучивших их недугов, которые выдают за «чудесные» исцеления, имеют вполне материальную природу. Аналогичные «чудеса» происходят при обращении подобных больных к врачам, лечащим методами психического воздействия.

В нашей лечебной практике была одна больная П., 28 лет, у которой вследствие домашних неприятностей внезапно возникла слабость и дрожь в ногах. В скором времени это привело к тому, что она совершенно не могла ходить и вынуждена была лежать в постели. Настроение было очень подавленное, тоскливое. П. часто и подолгу плакала, считая себя неизлечимой больной, у которой развился паралич ног. Круг ее жизненных интересов был замкнут болезненными переживаниями. Так как болезненное состояние затягивалось, больная потеряла веру во врачей и лекарства. В таком состоянии она была помещена в нервно-психиатрическую больницу. Установление истерической природы заболевания побудило прибегнуть к лечению внушением в гипнотическом сне. Больная оказалась хорошо внушаемой, в первом же сеансе у нее было вызвано глубокое гипнотическое состояние, во время которого ей внушали, что она теперь скоро поправится, сможет ходить, что в ее состоянии нет ничего неизлечимого и тяжелого. После первого же сеанса гипнотерапии наступило заметное улучшение. Больная предприняла попытку встать с постели, держась за спинку кровати. Последующие сеансы полностью устранили вышеописанное болезненное состояние. Больная выписалась в хорошем состоянии, свободно ходила без посторонней помощи, стала работоспособной, активной, жизнерадостной.

А вот другой пример. У больной М., молодой девушки, в результате неприятностей по работе и связанных с ними волнений образовался стойкий левосторонний поворот головы, так называемая истерическая кривошея. Это состояние очень мешало ей, значительно снижало ее работоспособность, приводило к подавленному настроению и потере интереса к жизни. Десять сеансов лечебного внушения в гипнозе полностью сняли это болезненное нарушение.

Вот еще несколько примеров из лечебной практики, иллюстрирующих терапевтические возможности внушения в гипнозе при различных нервных расстройствах функционального характера.

Больная К., 19 лет, обратилась к нам с жалобой на то, что у нее после испуга, вызванного угрозой аварии, внезапно пропал голос. В течение нескольких месяцев не могла произнести ни слова. Всякие попытки лечения у врачей специалистов по уху, горлу и носу были безрезультатными. После восьми сеансов лечебного внушения в гипнозе наступило заметное улучшение. Больная в гипнотическом состоянии могла повторять отдельные слова, произносимые врачом. После 12 сеансов гипноза было достигнуто полное возвращение голоса.

Больная Б., 23 лет, обратилась с жалобой на то, что, испугавшись внезапной вспышки яркого света в темноте, она

стала плохо видеть. Натыкается на предметы: «все как будто в тумане, между окружающим и моими глазами толстая пелена». Ранее слышала от одной знакомой, что можно ослепнуть, если в темноте внезапно увидеть яркий свет. Считает, что именно это и случилось с ней. Боится окончательно потерять зрение. Обращалась к глазникам, которые диагностировали у нее понижение зрения истерического характера и рекомендовали лечиться гипнозом. По характеру неуравновешенная, обидчивая, раздражительная. Часто конфликтует с соседями по квартире. Конфликты переходят в скандалы, сопровождающиеся криком, плачем. Иногда после таких ссор случались припадки с судорогами и приступами удушья. После четырех сеансов лечебного внушения в глубоком гипнозе беспокоившие больную нарушения в зрении исчезли. Внушалось общее успокоение, необоснованность опасений потерять зрение, внушалось, что она хорошо видит.

Нетрудно заметить, что приведенные нами примеры по характеру тех нарушений, которые при них отмечаются, подобны болезненным состояниям, избавление от которых и приносило славу «чудесных деяний» в описанных выше «чудесных исцелениях». Разве не напоминают они факты, приносившие успех колдунам и шаманам и создавшие славу Лурду? Однако весьма существенная разница состоит в том, что при врачебной работе, опирающейся на научное понимание природы болезненного состояния и путей его устранения, не бывает тех зачастую значительно более тяжелых, чем само заболевание, осложнений, которые возникают, как следствие неграмотных, невежественных приемов знахарей и «целителей волею божьей». На одного исцеленного «сверхъестественными силами» приходятся многие десятки и сотни искалеченных людей, чья нервная система и чье здоровье окончательно подорваны одурманивающим ядом колдовской и религиозной мистики, превратившей их в слабовольных взвинченных невротиков, готовых по самому малейшему поводу впадать в припадочное состояние.

Внушением в гипнозе часто удается снимать различного рода жалобы на мучительные болезненные ощущения во внутренних органах, порождающие у больных серьезные опасения и страхи за жизнь. Вот относящаяся сюда типичная история болезни. Больная А., 36 лет, обратилась к врачу с жалобой на неприятные ощущения и боли в области сердца. По ее описаниям, сердце у нее «холодеет, немеет, перестает биться» или, наоборот, бьется чересчур учащенно. Кроме того, жалуется на спазмы в горле, тошноту, покалывание в руках и ногах, потерю чувствительности в правой половине головы. В связи с постоянными неприятными ощущениями в области сердца развился страх внезапной смерти, боится ходить по улицам одна, ищет себе провожатых.

раньше часто волновалась и расстраивалась по самым незначительным поводам. Волнения сопровождались приступами удушья, плаксивостью, покраснением лица, дрожанием рук и ног. Последние полгода все неприятные ощущения сосредоточились главным образом в области сердца — чувствует, как ей «обжигает сердце, при этом начинает кружиться голова, под ложечкой колет, в горле стоит комок, руки и ноги ледяные». После первых же сеансов гипнотерапии наступило улучшение. Неприятные ощущения в области сердца исчезли, однако мысль о внезапной смерти продолжала преследовать больную. На приемы к врачу приходила с сопровождающими, так как боялась упасть на улице и умереть. После восьми сеансов стала приходить одна, жалобы смягчились, больная отметила значительное улучшение в своем состоянии. Лечение продолжалось еще некоторое время, пока больная не обрела способность ходить одна, не испытывая острых страхов за свое здоровье и жизнь.

Приведем пример излечения гипнотерапией нервнобольной, заимствованный нами из практики К. И. Платонова.

Больная, 20 лет, была испугана напавшей на нее собакой. Впоследствии в период острого переживания у нее всплывало воспоминание о слышанном когда-то разговоре, будто укушенные собакой начинают лаять. У больной развивается неодолимое желание лаять, переходящее в дальнейшем в действительный лай, заставивший ее безвыходно в течение месяца сидеть дома и отказаться от общения с людьми. Соответствующие убеждения оказались безрезультатными. Лишь после четырех сеансов гипноза удалось устранить это тягостное состояние. Результат лечения подтвержден 22-летним наблюдением.

Сколько раз подобные случаи служили церковникам поводом для распространения легенды о вселении в человека «нечистой силы», «злого духа». В мрачную эпоху средневековья такие несчастные больные люди подвергались мучительным пыткам и сжигались на кострах. И до сих пор в церквях иногда происходит отчитывание и наложение «чудотворных» икон на страдающих истерическими припадками больных, из которых якобы тем самым изгоняется нечистая сила.

Большую группу больных, с которыми работают врачи-психотерапевты, как в амбулаторных условиях, так и в больничных, составляют наркоманы, то есть люди, имеющие болезненное влечение к какому-либо наркотическому средству. Наиболее распространенными видами наркоманий являются курение и алкоголизм.

При хроническом алкоголизме гипнотерапия занимает среди других лечебных средств одно из первых мест. Если учесть, что страдающие алкоголизмом обычно быстро погру-

жаются в глубокое гипнотическое состояние и легко поддаются внушению, то становится понятным целесообразность этого вида лечения при подобных заболеваниях.

При проведении внушения алкоголику врач вызывает у больного чувство физического отвращения к запаху и вкусу водки, в то же время лечебное внушение строится в форме беседы, в которой перед больным раскрывается весь огромный вред, приносимый злоупотреблением спиртными напитками здоровью пьющего, а также его общественному, служебному и семейному положению.

В настоящее время физиологом М. А. Собакиным сконструирован прибор-электрогастрограф, позволяющий объективно записывать электрическую активность мышц желудка во время такого внушения. На рисунке 21 можно видеть,

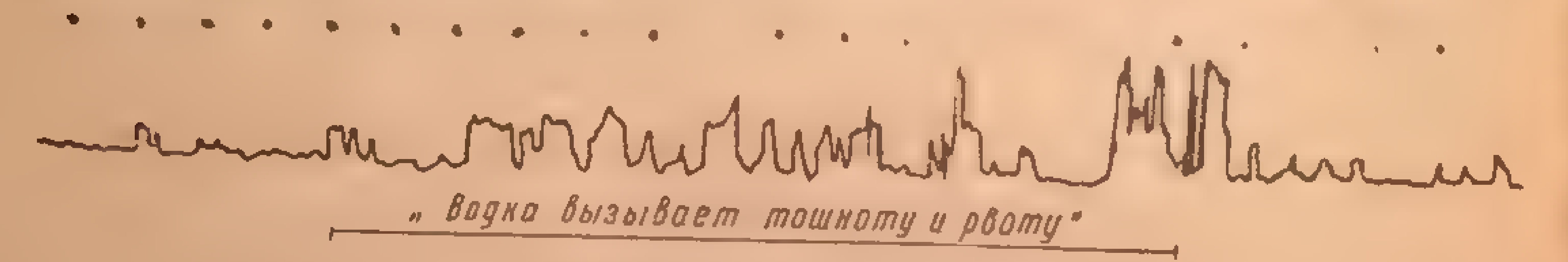
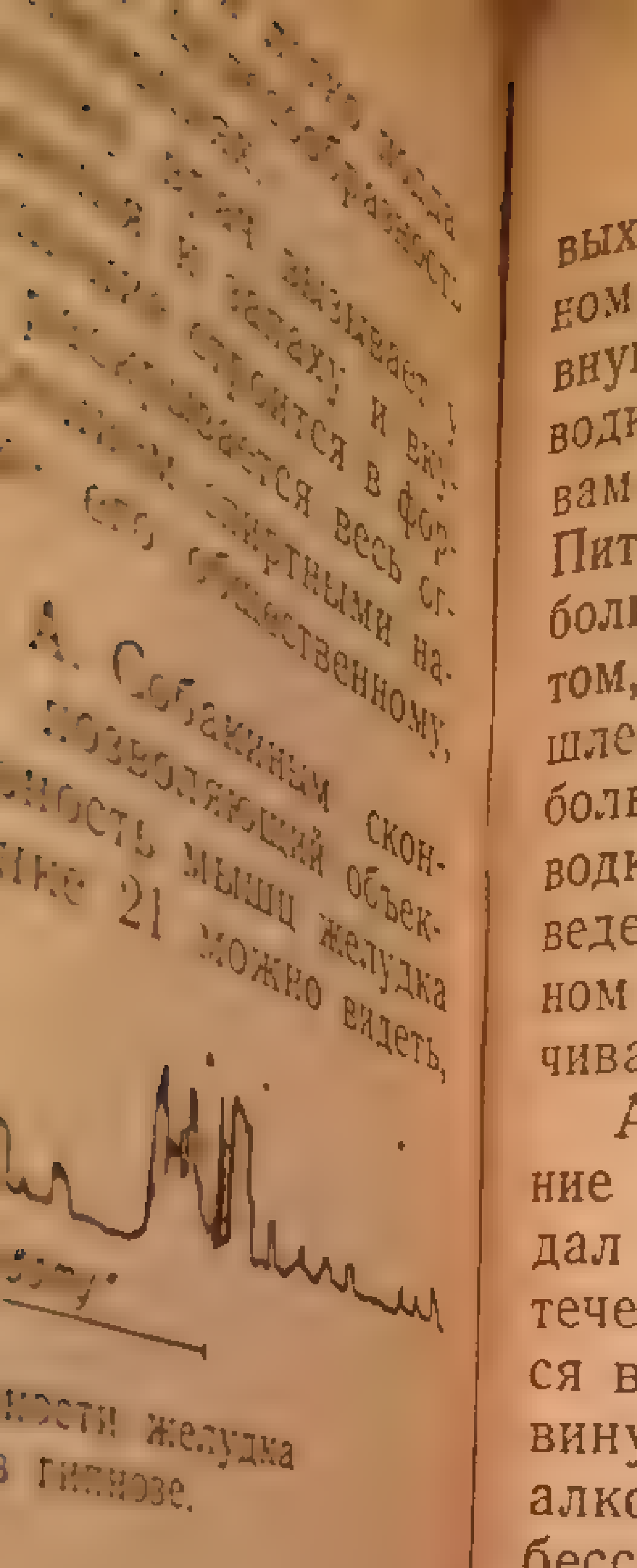

Рис. 21. Запись электрической активности желудка во время лечебного внушения в гипнозе.

как усиливается эта деятельность во время проводимого в течение 13 минут лечебного внушения: «Водка вызывает тошноту и рвоту». Такое увеличение электрической активности мышц желудка свидетельствует о развивающихся в это время сильных сокращениях, связанных с рвотными движениями. После такого курса лечения больные, как правило, прекращают пить в течение более или менее продолжительного времени. Однако для полного выздоровления рекомендуется проведение еще нескольких закрепляющих сеансов внушения — сначала через неделю, потом через две недели, и, наконец, раз в месяц. Полную гарантию от повторения заболевания дает лечение больного и наблюдение за ним в течение года.

Вот пример из собственной врачебной практики одного из авторов настоящей книги.

Больной К., 52 лет, жаловался на непреодолимое влечение к вину. Пил всю жизнь, особенно последние годы. Тяга к вину носила запойный характер. В период запоев очень мало ел, выпивал в день по литру и более водки. В 1946 году перенес белую горячку, в связи с чем был помещен в психиатрическую больницу. После выхода из больницы некоторое время не пил, затем опять начал пить; больного беспокоят кошмарные сновидения; иногда в темноте видит какие-то «страшные фигуры». Проведенная гипнотерапия при пер-

вых же сеансах достигла стадии сомнамбулизма. Больному внушалось полное отвращение к водке, причем это внушение сопровождалось словами: «Вы чувствуете запах водки, вы ощущаете во рту противный вкус водки. Я даю вам водки, вам противно. Водка вызывает тошноту и рвоту. Пить больше не будете». Во время этого внушения лицо больного выражало отвращение. Он краснел, покрывался потом, начинались рвотные движения, сопровождавшиеся кашлем, обильным выделением слюны. По окончании сеансов больной заявлял о непереносимо отвратительном запахе водки, который вызывает у него рвоту. Больному было проведено 30 сеансов гипнотерапии. К концу лечения он при одном разговоре о водке испытывал тошноту, которая заканчивалась рвотой.

А вот следующий пример, который имеет прямое отношение к интересующему нас вопросу. Больной К., 44 лет, страдал хроническим наплывом зрительных галлюцинаций. В течение 20 лет злоупотреблял водкой и неоднократно лечился в психиатрической больнице. После последнего лечения к вину прибегает редко. Тем не менее каждый новый прием алкоголя даже в небольших количествах сопровождается бессонницей и массовым наплывом зрительных галлюцинаций устрашающего содержания: видит крыс, пауков, змей и чертей. Стал очень суеверен. Надел на себя крест для «изгнания нечистого». В беседе с врачом критически высказывается по этому поводу, иронизирует над собой, но тут же добавляет, что когда приходят галлюцинации, то испытывает такой ужас, что готов поверить во все, лишь бы от них избавиться. Больной длительно лечился гипнотерапией по той же методике, как и в вышеприведенном случае, что привело к улучшению самочувствия, полному отказу от вина и исчезновению галлюцинаций.

Применение гипноза при хроническом алкоголизме часто осуществляется по методике коллективной гипнотерапии, предложенной В. М. Бехтеревым.

Согласно этой методике в гипноз одновременно погружают 10—15 и более человек. Врач проводит такое же внушение, как и при работе с одним больным. Преимущество метода Бехтерева состоит в первую очередь в том, что ввиду различной степени внушаемости более быстро погружающиеся в гипноз алкоголики своим видом ускоряют наступление гипноза и у других больных этой группы.

Советские врачи постоянно работают над усовершенствованием методов лечения алкоголизма и в первую очередь гипнотерапии его. В частности, И. В. Стрельчук предложил некоторые модификации гипнотерапии алкоголизма, которые основаны на учете особенностей высшей нервной деятельности больных.

Использование внушения в гипнозе не ограничивается только перечисленными заболеваниями. Хорошие результаты дает гипнотерапия при лечении некоторых больных, страдающих различными кожными зудами нервного происхождения (так называемыми нейродермитами), а также рядом других заболеваний кожи.

Широко известно применение психопрофилактических и психотерапевтических мероприятий для обезболивания родов, ликвидации неукротимых рвот у беременных и т. д. Советскими учеными установлено также, что лечебное внушение может оказывать существенную помощь как вспомогательный метод облегчения разнообразных болезней (в частности, уничтожение тяжелых болезненных ощущений). Это последнее способствует более эффективному действию основных лечебных мероприятий.

Раскрытием природы гипноза и внушения павловская физиология позволила перевести лечебное внушение в гипнозе на подлинно научные рельсы и превратить его в мощное оружие в руках врача, которым он может побеждать многие болезни.

Упорным трудом советских ученых и врачей сокровищница павловского наследия обогащается новыми творческими достижениями, раскрывающими широкие горизонты для дальнейшего развития психотерапии и гипнотерапии.

* * *

Через века прошли, сменили друг друга тысячи объектов религиозного поклонения и приемов мистического врачевания, считавшихся чудотворными средствами спасения от болезней. Внешне они очень различны: священные кости и камни—фетиши древних племен, дикая процедура камлания, храмы Асклепия, заклинания колдунов и знахарей, «святые» мощи и «чудесный» источник Лурда, «явленные» чудотворные иконы и заздравные молебны. Но если присмотреться к ним ко всем внимательно и отбросить затемняющее суть дела покрывало таинственности, нарочитой торжественности и пышной декоративности, неизменно окутывающее обстановку «чудес», то можно ясно увидеть то общее, что за ними скрывается. Повсюду основная цель — максимально разжечь веру в целительное могущество сверхъестественных сил — фетишей, духов, богов. Подавляющую массу самых различных «чудесных» исцелений составляют обычно случаи вымысла и прямого обмана. Однако главную опору веры в «чудесные» исцеления составляли отдельные удачные случаи очевидного избавления от тех или иных болезненных проявлений или облегчения самочувствия некоторых больных. Эти случаи служили осью, вокруг которой фантазия и вымысел создавали

всевозможные преувеличения и прикрасы. На эти случаи ссылались представители религии, когда хотели заставить людей уверовать и в другие, чаще всего выдуманные, «чудесные» исцеления.

Наука полностью разоблачает миф о «чудесных исцелениях», доказывая, что в основе происхождения даже этих отдельных действительных выздоровлений лежит не «чудо», а вполне естественные целительные факторы. Этими факторами являются внушение, самовнушение и гипноз в различных его стадиях и формах проявления. Физиологический механизм их действия нашел свое разъяснение в учении И. П. Павлова о высшей нервной деятельности.

Павловское физиологическое учение, осветив всепроницающим лучом знания сложнейшую область явлений природы — деятельность человеческого мозга, навсегда отняло у религии излюбленнейшую почву для построения версий о «чудесных» исцелениях «милостью бога».

С каждым днем сужается круг явлений, которым религия могла бы приписать божественное вмешательство. Чудеса, свершаемые ныне творческим трудом советских людей — запуск искусственных спутников Земли, лунников и успешный запуск космических ракет, создание самолетов, скорость которых превысила скорость звука, изменение русла рек и многое другое,—затмили славу божественного творца чудес. С каждым днем все более меркнет вера людей во всемогущество сверхъестественных сил, уступая место уверенности в безграничных возможностях науки и созидательного труда человека.

ЛИТЕРАТУРА

К. Маркс и Ф. Энгельс. О религии. Сборник статей. Госполитиздат. 1955.

В. И. Ленин. О религии. Госполитиздат. М. 1954.

Лафарг Поль. Происхождение и развитие понятия души. «Красная новь». М. 1923.

Е. Ярославский. О религии. Госполитиздат. М. 1957.

Анохин П. К. От Декарта до Павлова. Медгиз. М. 1945.

Арсеньев В. К. Лесные люди — удэхейцы. Соч., т. V. Примиздат. 1948.

Бирюков Д. А. Миф о душе. Госкультпросветиздат. М. 1958.

Бутинова М. С. Как возникла религия. «Сов. Россия». М. 1958.

Бехтерев В. М. Гипноз, внушение и психотерапия и их лечебное значение. СПБ. 1911.

Басистов Ю. Шаманы на службе Уолл-Стрита. Журнал «Дальний Восток» № 6 за 1953 год.

Бонефан Жан. Лурд — величайшая в мире фабрика шантажей. Изд. «Безбожник». 1930.

Васильев Л. Л. Физиология и психология в борьбе с суевериями. Л. 1955.

Золя Э. Лурд. Изд-во художественной литературы. М. 1953.

Куприянов В. В. Медицина и религия в США. Журнал «Здравоохранение» № 1. Кишинев. 1958.

Канторович Я. А. Средневековые процессы о ведьмах. СПБ. 1899.

Коштоянц Х. С. Очерки по истории физиологии в России. М.—Л. 1946.

Киселев Г. Я. Религия и умственные эпидемии. Изд-во «Московский рабочий». 1931.

Мезенцев В. А. Есть ли чудеса в природе. Изд-во «Московский рабочий». 1956.

Никольский В. К. Происхождение религии. Госкультпросветиздат. М. 1949.

Павлов И. П. Лекции о работе больших полушарий головного мозга. Собр. соч., т. IV. М.—Л. 1951.

Платонов К. И. Внушение и гипноз в свете учения И. П. Павлова. Медгиз. 1951.

Рожнов В. Е. Гипноз и внушение в медицине. Изд-во «Знание». 1955.

Тендряков В. Ф. Чудотворная. Изд-во «Молодая гвардия». 1958.

Францев Ю. П. Фетишизм и проблемы происхождения религии. М. 1940.

Шахнович М. И. Русская церковь в борьбе с наукой. Л. 1939.

Шахнович М. И. От суеверий к науке. Изд-во «Молодая гвардия». Л. 1948.

Шишаков В. А. О кликушах и бесах. Изд. «Безбожник». 1930.

Киш Эгон Эрвин. Я купаюсь в чудотворной воде. Сборник «От мрака к свету». М. 1954.

Югов А. К. Павлов. Детгиз. М. 1954.

---

1 р. 65 к.